

Сергей К. Данилов

Комета Магницкого

Полное собрание

Сергей Данилов

**Комета Магницкого.
Полное собрание**

«Издательские решения»

Данилов С. К.

Комета Магницкого. Полное собрание / С. К. Данилов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853719-6

Ранние годы весельчак Магницкий провёл в детдоме, молодость — то в общежитии, то в разваливающейся халупе, а то и в строительном вагончике. Трудовой путь героя также вполне обычен: от научного сотрудника до землекопа и риелтора — артиста своего дела.

Пробиваясь сквозь препоны личностных неустройств, кои мчащая по небесным траекториям судьбоносная планида подбрасывает человеку, он старается не упускать из вида заветный образ семейного благоустройства, выдуманный ещё на детдомовских задворках.

ISBN 978-5-44-853719-6

© Данилов С. К.
© Издательские решения

Содержание

КОМЕТА МАГНИЦКОГО	6
ЧАСТЬ 1. Служебный роман	7
1. Грустная умница Жанна	7
2. Послеобеденное счастье	10
3. Жаркая Фрида	13
4. Черешня	17
5. Бесплатная раздача слонов	18
6. Он устал и хочет счастья	23
7. Имею койку да тумбочку...	27
8. Ревнивый, но воспитанный муж	28
9. У тебя другая женщина?	31
10. Ку-ку!	34
11. Японская шелкография	39
12. Розы для Любы	42
13. Давай убежим сейчас?	44
14. Адский перцовочный огонь	47
15. Возьми меня замуж, миленький	49
ЧАСТЬ 2. Домик в центре с девушкой и собакой	53
1. Один дома	53
2. Букет для первой встречной	56
3. Тромбонист на палубе Титаника	60
4. Ученик с винтовкой	64
5. Дёргаем в Новую Зеландию?	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Комета Магницкого Полное собрание

Сергей К. Данилов

© Сергей К. Данилов, 2017

ISBN 978-5-4485-3719-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОМЕТА МАГНИЦКОГО

ЧАСТЬ 1. Служебный роман

1. Грустная умница Жанна

С утра Виктор забежал на ВЦ взять распечатки программ; прошёл не в ту дверь, презрев накинуть несвежий, но обязательный халат общего пользования, тем более надеть тапочки-бахилы, полные песка, за что системный инженер Артамонова сделала страшное лицо из своего стеклянного закутка, а он в ответ лишь деликатно ей улыбнулся и показал фигушку.

У входа в зал толпились операторы обеих смен: ночной и утренней. В свеженьких, накрахмаленных халатиках-мини они больше напоминали учениц салона красоты, нежели сотрудников закрытого НИИ. Стоящая меж них высокой цаплей системотехник Жанна угощала разноголосую толпу конфетами, таская карамель пригоршнями из большого кармана своего мятого халата, что длинней белогвардейской шинели висел на ней, как на вешалке, чуть не до щиколоток.

Жанна – очень худая белокурая девушка лет двадцати трёх, с костлявыми, горящими от роста плечами и замкнутым лицом. Как и все истинные системщики, она абсолютно равнодушна к своему внешнему виду: предпочитает вечером задержаться на пару часов, чтобы покумекать над какой-нибудь очередной ситуацией, возникшей в операционной системе, нежели выстирать халат. Чрезвычайно сосредоточенная девушка эта Жанна, и работает давно, спец не хуже Артамоновой, а может, и лучше в некоторых вопросах, и техникум окончила, и ребёнка родила, по слухам, вроде как прямо в семнадцать лет.

И то, что она всегда о чём-то с грустной понимающей улыбкой размышляет, как сейчас, во время раздачи конфет народу, подвигает Виктора мимоходом шутить с ней самым товарищеским образом. То гавкнуть на ухо, то заговорить металлическим голосом директора Орало: «Здравствуйте, товарищи! Какие будут жалобы на системотехников сегодня? Эти системотехники Жанны у меня дождутся, вот возьму да нагряну в гости с цветами, конфетами и разными предложениями иррациональными! Пусть тогда попробуют чаем не напоить!»

В этот раз чёрт опять дёрнул сотворить над поникшей речной ивой системщицей шутку. Он сделал первое, что пришло в голову, то есть заверещал кляузной радио-старушкой:

– Кто тута последний, я за вами! Опять в ентом магазине левым товаром с чёрного хода торгуют? Как на духу предупреждаю: счас пожалуюсь в О-Бэ-Ха-эС-эС... коли мне не достанется!

Системотехник Жанна на розыгрыши младшего научного сотрудника Магницкого извечно реагировала сменой боевой раскраски: если была красна лицом, то белела, ну а по бледности заливалась ярким румянцем. И каждый раз голубоватые глаза начинали сверкать мыльными пузырями на солнце, причём сама Жанна оставалась по-прежнему немногословной, отделяваясь всегда одной и той же банальной фразой, обращённой куда-нибудь в ближний угол: «А вот и Витя с прибабасом пожаловали!» Виктор на прибабас не обижался. Анемичная девушка, жалко её, обессиленную. Смотришь, и прямо сердце кровью обливается. Что тут ещё сказать?

Когда подошла его очередь в карамельной отоварке, Жанна объявила, что конфеты кончились.

– А больше нет, – и даже оттопырила карман, демонстрируя пустоту.

Карман халата широкий, глубокий, с надорванными краями, что на дне – не видно. Наверняка ведь зажилила парочку «раковых шеек». Разве можно так поступать с воспитанником образцово-показательного детдома имени Крупской? Сказала бы честно: «Не дам», – какой спрос? Так кончились у неё, видишь ли, срочно. Ага, держите карман уже, или вовсе зашейте белыми нитками.

Обе смены операторов, вчерашних десятиклассниц, весело захихикали над оторопевшим младшим научным сотрудником. Обнаглел народ, никакой субординации!

– Мать моя женщина! – изумился Виктор. – Почто всегда на мне товар в очередях заканчивается? А, девушки? Протестую!

И, недолго думая, смаху запустил в карман пятерню, желая ухватить какую-нибудь «раковую шейку» на самой глубине, дабы восстановить попанную на глазах местного сообщества социальную справедливость, а также равенство, братство, доброту и веру в прогресс человечества. Однако наткнулся только на Жаннину тоненькую ногу. Карман оказался пуст.

– Ничего себе! – удивился неожиданной правдивости, заглядывая в растерянные глаза системотехника.

– Молодой человек! Прекратите приставать к сотрудницам!

– Всё-в-сё, меня там больше нет!

С начальником отдела размножения техдокументации, огромной, ширококостной, зычной Вильгельминой Карловной разве поспоришь? Никто с этой дамой не спорит ни по какому поводу – себе дороже выйдет. Сам директор товарищ Орало, и тот предпочитает сглаживать углы, когда попадает в сферу её полномочий. А Жанна входила в такие сферы целиком и полностью: во-первых, числится в списочном составе отдела размножения, во-вторых, хочешь – удивляйся, хочешь – нет, но, несмотря на несовместность и даже противоположность внешних характеристик, является с самого своего рождения дочерью Вильгельмины Карловны. Вот она где, антиутопия семейственности проявляется, в разрезе обыденного конфликта поколений.

– Экий басурманин!

Системотехник тотчас спрятала обе руки глубоко в карманах и несколько пригнулась. На лбу блеснула лёгкая испарина, наглядно выражавшая полное раскаяние худой, несамостоятельной матери-одиночки, живущей у своей родительницы на полном пансионе в её трёхкомнатной квартире, да к тому же работающей под маминым началом, и при всём этом кордебалете позволявшей себе чёрте что в служебное время.

– Отойдите от неё и никогда больше не приближайтесь! Чтобы духа вашего не было! Разбойник какой выискался мне здесь!

Девочки-операторши мигом перестали веселиться, разбежались по делам, на ходу жуя конфетки, будто не присутствовали, не видели и не знают ничегошеньки. Что во многом истинная правда: очень, очень мало соображают, то и дело начёсы себе на голове создают вроде соломенных шалашиков, ногти маникюруют прямо у центрального пульта, а потом тыкнут с перепугу куда попало раскрашенным пальцем – и, считай, пропало машинное время.

Магницкий пошёл далее, независимо размахивая бобиной распечаток.

– Басурманин! – повторила ему вслед Вильгельмина.

Он обернулся, смерил начальницу отдела размножения сверхточным лазерным прицелом:

– Орднунг юбер аллес! – взяв двумя пальцами под козырёк.

Через запасную дверь машинного зала вышла Артамонова. Ни черта не понимая в его немецком, окаменела напряжённо-испуганным лицом, боясь, что Вильгельмина Карловна данной фразой будет обижена до глубины своей немецкой души или даже поругана. Кто знает этого Магницкого, чем он тут вздумал шутить...

– Порядок превыше всего! – дал перевод Виктор главе системщиков, чтобы не мучилась понапрасну в догадках о смысле трёх немецких слов, сказанных в адрес начальства.

Сникшая фигура Жанны изображала христианское смирение и раскаяние. Бедняжка. Ивушка плакучая. И ножки из-под халата в стареньких стоптанных туфлях тонюсенькие-претонюсенькие торчат, будто спички. Несчастливая Жанна! Как она умудрилась ребёнка выродить в семнадцать лет при столь хилой комплекции? Тем более под началом жуткой мамаша, гром-бабы с мясокомбината. Магницкий не выдержал, ещё раз обернулся.

Вильгельмина погрозила кулаком.

Ага, а теперь маман-бабан дуёт на воду. А может, не совсем на воду?

Нет и ещё раз нет. Не будет этого. Жанна определённо напоминает своей фигурой бестелесную женщину раннего европейского средневековья, когда по канонам красоты дамы придавливали груди свинцовыми пластинами, стремясь стать как можно более плоскими. Современного мужчину идеалы прошлого не волнуют, ему надо воодушевляться, а тут взгляду зацепиться не за что. Глаза голубоватые, конечно, ничего себе, но слишком умные, ещё неплохи белокурые, спутанные в спешке беготни по ВЦ локоны. И всё. Но почему это вдруг подумалось об отношениях с бестелесным телом в белом балахоне как с женщиной, что за извращение, сеньоры?

Хотя, вот если допустить в первом приближении, что Жанна под халатом будет голая... нет... бесконечно жаль девушку, но даже не уговаривайте, ни за что! Мамаша Вильгельмина может быть на данный счёт абсолютно спокойна. Зря, напрасные надежды. Товарищеские отношения с системотехником – это да, сам бог велел, без сомнений: умница, умница необыкновенная наша Жанночка, а прочее – увольте, лучше из института вон... хотя... Что-то в этом есть. Да ну, ерунда какая! А бедро... в кармане, кстати, хоть и тоненькое, но поразительно горячее. Чёрт возьми! Ну вот, размышлялся с утра на ровном месте... Насчёт кого? Насчёт несчастной Жанны! С ума сошёл, что ли?

Вздыхнув полной грудью, дабы освободиться от утренних кошмаров безумного разума, младший научный сотрудник с горящими глазами энтузиаста научного прогресса стремглав влетел в рабочую комнату, бросил рулон на стол, скинул пиджак на спинку стула, засучил рукава белоснежной рубашки и металлической линейкой принялся с жаром рвать рулонную распечатку на отдельные программы, разбрасывая по окружающим столам.

Постой, когда там у Жанны ночная смена намечается? Уйти, что ли, в ночь? Засидеться за программой до одиннадцати, рабочий день научного сотрудника не нормирован, ночное время тем более. Магницкий отбросил линейку, зажмурился, в долю минуты доведя мозг до точки кипения. Вот оно, счастье! Как недалече! Возможно ль? Но, очевидно, добиться с утра пораньше личного счастья в НИИ – цель принципиально недостижимая, ибо кругом вихрятся, завываясь мелким бесом, уже другие, планёрочные страсти.

2. Послеобеденное счастье

Личное счастье началось сразу после обеденного перерыва, когда Виктор заглянул к Забаве – рассказать Бориске анекдот, который вспомнил только что, да и слышал не более трёх дней назад. Забавы на месте не оказалось, по случаю длинных белых ночей подающий большие надежды теоретик семнадцатого отдела ускакал пить лимонад в опытный цех к автомату с бесплатной газированной водой, который наконец-то заправили смородиновым сиропом. Тем самым выпал из институтской жизни с её дежурными анекдотами и блиц-партией в бильярд под занавес сорокаминутного обеденного перерыва.

А меж тем жизнь в его рабочей комнате, носившей в среде младшего научного персонала название «забавной», ни на секундочку не прекращала бить июньским искристым ключом. Только Магницкий приоткрыл солидную дверь, как через хорошо промытые на недавнем субботнике стёкла точно в зрачки ударило яркое белое солнце. Пришлось даже зажмуриться, будто бы от счастья. Будто бы только что слопал четыре сочных, вкусных, горяченьких беляшика, запивая их сладким какао, и после этого, едва успев обтереть пальцы салфеткой, сразу увидел в непосредственной близости девушку неземной красоты.

Так зажмуренным и вошёл в большую, светлую комнату, имевшую четырёхметровой высоты потолки, огромные, с распахнутыми створками окна, за которыми ещё парил в воздухе случайно уцелевший тополёвый пух, вроде бы основательно прибитый ночной грозой. В комнате восемь однотумбовых столов, один двухтумбовый – заведующего сектором Черкизова, шкаф и куча отобедавшего народа, мирно проводящего свободное время в приятных разговорах. Выражением своего счастливого лица он никого не собирался обманывать: были и четыре беляшика не более десяти минут назад, и какао, и салфетки, и даже девушка, как ни странно, имелась в непосредственной близости. И даже, представьте себе, не одна, а сразу штук семь, как на подбор высокие, стройные, в тончайших летних платьях, пронизанных лучами яркого света. Толпятся в центре комнаты, закатываясь жизнерадостным смехом.

– Что вы тут веселитесь? По какому поводу? Небось, премию квартальную пообещали сто процентов?

Девушки, молодые специалистки, только-только после университета, румяные, весёлые, как горячие пирожки с персиковым джемом. Смотреть на них холостому мужчине чрезвычайно приятно, а вот жениться не рекомендуется. Допустим, женишься сдуру на одной, куда остальных потом девать прикажете? О чём беззвучно вопиёт пример сидящего в одной комнате со специалистками Борьки Забавы, и трудности, по его словам, кратно возрастают с мая по август, когда руки-ноги у специалисток становятся оголёнными, длинными, ужасно близкими; куда ни кинь взор – всюду, как на витрине, раскинулось нежное женское тело, местами призывно извивается, вроде бы весьма доступное, а тронуть нельзя.

– После обеда здорово тебе размечталось, – угадала физически крепкая спортсменка Мила, – премию ему подавай. Ишь чего захотел!

Мила – комсорг отдела, со всеми на дружеской ноге, сейчас единственная из девушек облачена в джинсы. При встречах в длинных, тёмных институтских коридорах с молодыми людьми подходящего комсомольского возраста вместо рукопожатия она проводит прямой правый в солнечное сплетение, который сопровождается вопросом: «Комсомольские взносы сдал? – И безотносительно смысла последующего ответа назидательно добавляет: – Иди теперь мочу сдавай!».

– Точно, – примирительным тоном согласился Магницкий, уже многократно учёный комсоргом, – нет так нет, а скажите, девчонки, почему в кафе на Площади перестали пирожки с персиковым джемом продавать? Вы не в курсе?

– Кто о чём, а лысый о гребёнке, – вставила шпильку Люси пренебрежительным тоном.

Мигом убрав с лица улыбку, Виктор предался грустным размышлениям. Вон Забава не утерпел – женился, теперь локти кусает, ибо сидит в одной комнате с семью красавицами, и деваться ему абсолютно некуда, разве что бегать на опытное производство пить холодную газированную воду. Впрочем, Бориска не теряется: все семь, как одна, обслуживают его в высшей степени нестандартные выдумки, ибо девочки – программистки, а Забава – теоретик, фонтанирующий идеями двадцать четыре часа в сутки, как вычислительный центр, в отличие от городского фонтана с цветомузыкой, который на ночь и на зиму предусмотрительно отключают. Идеи Забавы большей частью сумасбродные, «за гранью разума», – так выражается молодое поколение программисток, когда приходится им составлять вполне реальные программы, следуя моделям Бориски, объясняя которые, тот заводит глаза под потолок, а ладонями творит свой воздушный замок из первых же подвернувшихся под руку функций интегрального вида.

– Забавы нет, вот и отдыхаем, – весело оскалилась Мила. – Кстати, Витька, ты почему уклоняешься?

– От чего?

– Будто не знаешь, от чего, от уплаты комсомольских взносов, разумеется!

Магницкий моментально напряг живот, бросив обеспокоенный взгляд на правую руку комсорга. Вроде кулак не сжатый. Хотя и с левой может запросто врезать. Говорит, что советский человек должен быть гармонично развитым...

– Комсомольские – ерунда, главное, чтобы от алиментов не уклонялся. Настоящий мужчина не должен уклоняться от алиментов ни вправо, ни влево, – подмигнула Лариса, по кличке Пума, с безумно красивыми огромными глазами и точно кошачьей мягкостью движений, – вот женишься ты, Виктор, на... Люське, к примеру, родишь ей быстренько ребёнка, а потом сбежишь, как заяц... к Миле, и если после всего того будешь уклоняться мне от алиментов – пеняй на себя!

– Девушки, я давно вышел вон из комсомольского возраста. Пожилой, серьёзный человек, какие могут быть взносы?

– И сколько же тебе, Витёк, лет?

– Сколько-сколько... много. Двадцать семь стукнуло. Полных двадцать семь. В комсомоле состоят до двадцати семи?

– Включительно.

– Исключительно. Ныне я просто беспартийный человек, и взятки с меня гладки. К тому же ни разу не женатый. Во искупление этого общественного греха честно плачу налог за бездетность.

– Эх ты, уклонист, – рассердилась Раиса, – двадцать восьмой год мужику валит, а он не женат. У тебя задержка в развитии? Даун, что ли?

– Он не даун, он мэ-нэ-эс, – констатировала Мила, – наукой увлекается.

– Девчонки, а давайте его прямо сейчас женим?

Лицо младшего научного сотрудника вновь украсило безотчётно-радостное выражение.

– В смысле? – удивился он. – Каким, позвольте вас спросить, образом? Только, граждане, не забывайте, у меня своего угла нет, в общежитии живу...

– Это к делу не относится, произведём над тобой акт инициации, и все дела. Раз из комсомольского возраста вышел, пора, Магницкий, быть тебе не мальчиком, но чьим-то мужем. Пора!

– Пора пришла – она влюбилась!

Не успел Магницкий толком порадоваться неведомой инициации, которая будет проводиться девичьими оголёнными руками (о кулаках Милы как-то не подумалось), случилось приятное событие, вроде первой фазы грядущего счастья: от девичьего кольца мягким шаж-

ком отделилась угловатая фигура Пумы, сделала шаг к нему и, оказавшись в непосредственной близости от мэнэеса, вопросительно заглянула в глаза и, не дождавшись ответа, приложила ухо к его груди чуть пониже горла. Почти как доктор, слушающий без медицинских приборов хрип простуженного дыхания. Тут же с головой окатила тёплая морская волна: Виктор даже выпрямился и вытянул шею, чтобы не захлебнуться.

Денёк выдался солнечный, комната полыхала ярким июнем, девушки продолжали веселиться, толпясь вокруг них, как будто именинников. Иные поглядывали скорее сконфуженно, что-то говоря друг другу, не слышно что, слух Магницкого отключился временной контузией.

Необыкновенно хорошо стало жить. От близких чёрных, гладко-блестящих волос, необыкновенно приятно пахнущих, возникло ощущение редкостной удачи. Пума гладила тонкими пальцами по галстуку, приговаривая: «Миленький мой». Вот-вот, да, это правда, вот оно – самое настоящее счастье, без обмана! Отняла голову на секунду, посмотрела исподлобья снизу вверх вопросительно, произнесла что-то вроде: «Жить будет». Магницкий слышал её голос вдалеке, как после контузии, и уточнил:

– С кем? Хочу с тобой.

– Здравсьте вам, – вмешалась Мила, – Лариса у нас замужем, поздно спохватился, дорогой. Ты на других-то посмотри. Народ на выбор.

– Миленький мой, – снова прилегла Пума, сверкая актёрски-радостными глазами.

Тут дверь приоткрылась, просунулась Забавина голова:

– Виктор, выйди срочно на минуту.

Тот лишь слабо отмахнулся: «Уйди, не мешай. Видишь, человеку хорошо?».

– Виктор, вопрос жизни и смерти решается.

Невесомая птица счастья вспорхнула, отлетев прочь.

3. Жаркая Фрида

Пришлось идти в темноватый коридор, где сразу был схвачен возбуждённым Забавой под локоток, хорошенько встрясён для приведения в чувство.

– Виктор, вопрос жизни и смерти! – шёпотом заорал Забава, поплотнее прикрывая дверь в кабинет, – дай мне ключ на час от твоей комнаты.

– Идея посетила?

– И ещё какая! Надеюсь, наш горячо и нежно любимый сосед Борцов на работе?

– По видимости, да, на обед он не приходит. Как правило. Только, христом-богом молю, не занимай его тахту! Запомни: моя располагается справа от входа. Как войдёшь – направо.

Повтори.

– Как войду – направо. Не беспокойся, всё пребудет в порядке, целости и сохранности.

– Не запомнишь ведь, ибо ходишь налево.

– Вот женишься, тогда посмотрим, куда ты пойдёшь, – предрёк тоном провидца теоретик, быстро уносясь с ключом в сторону лестницы.

Магницкий вернулся на рабочее место, однако вдруг ни с того ни с сего ему сделалось нехорошо. Он резко отшвырнул от себя распечатку, встал из-за стола и снова кинулся к соседней комнате. Заходить не стал, лишь приоткрыл дверь и пересчитал народ. Большой любитель ильфа-петрова, а также по совместительству завзятый чтец морального кодекса Черкизов посмотрел удивлённо поверх очков, но Виктор ничего не стал ему объяснять, закрыл дверь, достал платочек и промокнул пот на лбу.

В комнате отсутствуют трое: Забава, комсорг Мила и Пума. Комсорга могли вызвать по общественным делам хоть в райком. Значит, нет Забавы и Пумы? Он пробежался по всем комнатам второго этажа, за исключением кабинета директора и замдиректора, помчался в машинный зал, затем к системщикам, и, наконец, в отдел размножения. Лариски не было нигде. Лишь в АРМ-кабинете разглядел в полумраке перед зелёным фосфоресцирующим экраном по-кошачьи изогнутую спину. Долго смотрел на неё, тихо подошёл и положил ладони на выпуклые оголённые ключицы.

– Ага, вот вы где спрятались.

Пума обернулась.

– Это ты, миленький? Уже соскучился? Садись рядом, программировать будем.

Виктор взял стул, сел, и погрузился в благодатную дрему. Пума глянула в его сторону, усмехнулась.

В комнате кроме них никого, здесь работают по одному, комната так и называлась: автоматизированное рабочее место программиста, сокращённо АРМ. Итак, он нашёл Пуму в АРМе. Это хорошо, просто замечательно. А как забегал вдруг, ни с того ни с сего! Единственное окно в помещении АРМа наглухо закрыто непроницаемо тёмной тяжёлой шторой, зато кондиционер мерно несёт влажную прохладу в сумрак того небольшого пространства, где они обитают теперь вдвоём. На зелёном экране прыгают команды Фортрана-77: корректировка, трансляция, выполнение и снова корректировка. Магницкий сидел, слушая умиротворённый стук сердца, что согласно было жить в столь комфортных условиях миллион лет без капремонта.

Длинные тоненькие пальчики Пумы летали по клавиатуре, изредка она взглядывала на экран, исподлобья, с недоверием и интересом одновременно, в то же мгновение на лицо её ложился зеленоватый отсвет экрана. Едва Магницкий успел подумать, что своим загадочным выражением оно похоже на русалочье, как та повернулась к нему, изогнула шею, и вновь пристроилась головой на груди, шепча: «Миленький», а он опять не мог понять: шутит, или всё же имеется в этом доля настоящей нежности? Лёгкая, весёлая, ироничная Пума. То ли

правда ласкается, то ли играет по кошачьей привычке. Не зря же – Пума. Но как чудесно быть с ней! Он вдохнул запах волос, осторожно приобнял. Вдруг кольнуло: неужели правда замужем? Совсем не похоже.

Дверь распахнулась, Лариса молниеносно убрала голову, Виктор отодвинулся в сторону вместе со стулом, но не так скоро. Никто не вошёл, дверь с саркастически долгим скрипом вернулась на прежнее место. Они переглянулись, словно старые заговорщики. Пума продолжила отладку программы, а Магницкий встал и нехотя вышел. Приспело его машинное время, хорошо хоть идти недалеко.

В длинном коридоре первого этажа вдоль стены, впитык друг к другу, бесконечной шеренгой стоят столы с мониторами, за которыми работают сотрудники. Его место пока занято. За счастливым монитором номер семь восседает старший научный сотрудник Фрида Энгельс: молодая женщина с чёрными, блестящими кольцами волос, уложенными в роскошную высокую причёску, возраста слегка за тридцать, незамужняя, в белом, обтягивающем узкую талию и высокий бюст, платье, которое изумительно идёт её смуглым от черноморского загара, открытым плечам. Фрида смахивает на латиноамериканку, жгучую, цветущую здоровьем креолку, роковую красавицу, перед которой не устоял бы ни один мужчина, если не всегда холодное, властное выражение лица.

Магницкий подошёл, молча встал за ней, прислонившись к стене.

Энгельс тотчас спросила:

– Минутку займу?

– Хотя две, но не более пятнадцати.

Машинное время младшим научным сотрудникам выделялось в час по чайной ложке. Другое дело – АРМ, там народ мог сидеть часами, и на удивление ничего не ломалось и не зависало, чего нельзя было сказать о больших машинах. Вот сейчас за монитором номер восемь нервничала толстушка в рябеньком летнем сарафане – Баландина Татьяна.

– Что она всё время виснет? – обиженно спросила Татьяна, повернувшись к Виктору. – Жанна, давай быстрее разбирайся, моё время уходит, опять никакой работы не было. Сколько можно издеваться?

Системотехник сидела рядом, с привычно унылым видом собирая статистику ошибок. Раз за разом пускала с соседнего монитора зондирующие команды, стараясь определить причины омертвления баландинского раздела.

– У вас печать висит, – вычислила наконец она, – убрать?

– Печать? У меня? С ума сошли, что ли? Откуда у меня может быть печать?

– Не знаю, – бессильно констатировала системотехник. – Висит и всё.

– Кто запустил в мой раздел свою печать? Убирай к чертям собачьим, время уходит. Вот это да! А я-то думаю, в чём дело? Происки американские, не иначе...

Жанна флегматично уничтожила программу печати, встала, но не ушла, задержалась рядом с Магницким, следя за хаотичными попытками Баландиной наверстать упущенное время.

– Физкультпривет работникам отдела размножения! – скосил взгляд Виктор. – Когда очередное плановое размножение намечается у нас в данном отчётном квартале?

Этой роковой фразой он обожал доводить Жанну, ибо подразделение получило такое неофициальное название в большей степени за то, что молоденькие операторши то и дело уходили в декретные отпуска. И сидели там годами, получая сначала пятьдесят рублей на одного ребёнка, потом семьдесят пять на двух. На их место отдел размножения принимал новых претенденток, которые тоже скоро начинали пухнуть в области талии не по дням, а по часам.

– Привет, – сказала Жанна без всякого выражения, но привычно краснея анемичным лицом, в результате чего постепенно из позитивного оно сделалось негативным.

Так волнуется, будто Виктор втихаря сунул пятерню ей в карман. Просто ходячий упрёк утрешним грехам. Он отвернулся, всем своим видом демонстрируя безразличие к худым системотехникам.

– Что, у тебя время сейчас? – спросила Жанна, продолжая стоять рядом.

– Да. Время моё, а пользуются им, как всегда, другие.

– Значит, прирождённый сачок, – подытожила Фрида Энгельс, исполняя на клавиатуре быстрый шопеновский этюд.

Сзади в своём белом платье, концертной причёске, с аппетитными локотками у талии – точь-в-точь знаменитая пианистка то ли из Южной Америки, то ли Африки, но тоже южной. Или дочь богатого латифундиста, или проклятого родезийского колониста.

– Если бы. Сказку о потерянном времени читали? Это про меня.

– Сейчас, сейчас уйду, успокойся, – не оборачиваясь отбивалась латифундистка от претензий, переходя на аккорды бравурного заключительного марша.

– Что тебе за это подарить? – съехидничал Виктор. – Может, конфету шоколадную к ланчу? Жанночка, детка, у нас там нигде конфетки случайно не завалилось?

– Нет, – побледнела в обратную сторону Жанна, выдёргивая руки из карманов и хлопая по ним.

Как назло, в это время из собственного кабинета вновь явилась суровая Вильгельмина Карловна. Увидев дочь, уже прислонённую к стенке рядом с басурманином Магницким, немедленно окликнула:

– Жанна, ты чего здесь? Пойдём, есть срочное дело.

Жанна поволоклась за маман.

Наконец-то Виктор смог занять освободившийся стул. Рядом Энгельс, в обтягивающем сверху, но широком снизу бальном платье собирала многочисленные бумаги и книжечки в аккуратную стопу, в рабочем блокноте ставила галочки против пунктов, которые она выполнила за сеанс. Наполовину обнажённая тугая, смуглая грудь смотрела на него в упор, и даже, кажется, вызывающе хихикала.

– А всё-таки, Фрида Эдуардовна, не могу не выразить своих чувств – вы безумно жаркая женщина.

Энгельс тотчас распрямилась.

– С чего так решили? – на верхней губке пряталась снисходительная усмешка.

– Интуитивное ощущение зрелого мужчины.

– Смотрите, мужчина, не перезрейте дотла.

– В оставшееся время едва ли это возможно. Шесть минут долга за вами. Прошу внести в кондуит. А впрочем, напомним обязательно. Вы же знаете, чувство стеснения по вопросу машинного времени мне совершенно неведомо.

– И по другим вопросам тоже.

Энгельс подняла перед собой высоченную стопу книг и распечаток, приготовившись разгоняться по коридору.

– У вас сегодня не свадьба ли намечается? – восхитился Виктор юному виду в профиль. – Вы прямо-таки само совершенство!

– Нет.

– Ну нет, и ладно. Хотя очень жаль.

Фрида невозмутимо проследовала мимо, таща груз неправильно – перед собой. И даже не улыбнулась на прощание. А ведь они могут больше не встретиться. Ни разу за весь оставшийся день. И завтра тоже. Но с меньшей вероятностью. Завтра он непременно отловит красотку здесь, дабы отнять, несмотря на вопли, свои кровные шесть минут. Чтобы вызвать на лице Фриды прощальную улыбку, Виктор кольнул с боков бесподобной талии указательными пальцами. Книжки начали сыпаться на пол и Татьяну Баландину, которая развернулась

и, широко раскрыв рот, наблюдала великолепную сцену, как, пытаясь помочь удержать падающую стопу, Виктор взмахнул руками, но поймал одну только идеально-форму Энгельс.

– Извините прискорбно!

Энгельс снисходительно улыбнулась.

– Извиняю в зачёт шести минут машинного времени. Татьяна, ты свидетельница!

– О, видите, и свидетельница уже есть. Что я говорил? Значит, свадьба не за горами. Поздравляю!

4. Черешня

Под конец сдвинутого по времени обеда, уже между старшим программистом Татьяной Баландиной и Виктором случилось нечто, скорее похожее на несчастье, чем на счастье. Они встретились на лестнице и не смогли разминуться. Приземистая Баландина возвращалась из кафе. По дороге зашла на базар, где купила стакан черешни, и теперь, поднимаясь по ступенькам, на ходу кушала ягоду, держа бумажный кулёк у груди, а Магницкий сбегал по лестнице вниз на поиски Пумы. Глаза его горели огнём страстного охотника.

Грудь Баландиной трёхцветная, как ни у какой другой женщины института. То есть сначала вокруг шеи имеется загорелый полукруг, почти чёрный – итог лежания на даче в закрытом купальнике. Ниже под ним расположено кольцо нормального среднего загара, а ещё ниже вообще белым-бело всю тропинку замело, что говорит о том факте, что Таня носит летом одежду с разнообразными вырезами. На такие мелочи Магницкий не обращает внимания. Другое дело – черешня в кулке. Заметив черешню, он попытался мимоходом сунуть руку, выхватить ягодку из кулёчка, почему нет? Свои же люди. Однако Татьяна издала такой отчаянный визг, что пришлось немедленно расстаться с добычей.

– Ты чего? Я ж одну только.

Баландина смутилась.

– Я подумала, – тихо призналась она, – ты в вырез полез.

– Вот, товарищ Гигиенишвили, до чего довели коллег своим разболтанным поведением, – отметил ворчливо фарисей Черкизов, который прогуливался в это время по второму этажу возле лестницы, – придётся как-нибудь на досуге снять ремень и высечь вас по филейным местам, на первый раз без соли, но самым рукописным образом.

– Да что вы, товарищ Лоханкин, побойтесь бога. Я же малокровный. Просто черешни ей жалко, вот она и изобразила. Правда, Татьяна? Неужели ты могла подумать своей умной головой, что я так, походя, за между прочим и среди бела дня, могу полезть, пардон, родной сослуживице в лифчик?

– А кто тебя знает? Ты, Магницкий, человек разноплановый, можешь в кулёк, можешь за пазуху. Разбаловался тут на вольных хлебах. Жениться тебе пора.

– Горбатого могила обязательно исправит, – махнул рукой свысока Черкизов.

– Что за шутки? Гражданин судья, призываю вас к порядку. Вы о ком столь грубо выражаетесь?

– О тебе, о тебе, сын прекрасной вдовы с заплаканными глазами. Ещё немного пошалишь, и жениться будет совершенно незачем.

– Ага, сегодня у всех для Магницкого одно наказание: женить на пятьдесят лет без права переписки. Тираны вы! Диктаторы грубого семейного беспредела! О золотой свадьбе моей мечтаете! И не стыдно?

5. Бесплатная раздача слонов

Теоретик Забава вернулся только под конец рабочего дня: бледный, лохматый, с горчичными глазами, в общем, как новый целковый, выпущенный по случаю очередной годовщины Октября.

– Слушай, ты сейчас в обморок упадёшь от счастья, – обнял он Магницкого сходу, вручая ключ. – Держи себя в руках. С утра умывался? Беляши лопал – губы вытер? Семечки не щёлкал? Не люблю, когда меня целуют после семечек. Терпеть не могу! Пойдём, взбрызнем тебя на всякий случай духами Зои Степановны, такие приятные и стоят недорого.

– Что такое?

– Свершилось-таки!

– Квартальная премия сто пятьдесят процентов?

– Бери выше!

– Я – лучший молодой учёный города?

– Вот всякую ерунду собирает, бестолочь!

– Почему ерунду? Я в конкурсе участвую.

– Да разве в конкурсе есть счастье?

– Ну, если по большому счёту, то нет, конечно. Хотя... если подумать...

– Ой, ну глупости говоришь! А это – счастье!

– Что – это?

– Горисполком выделил нашему институту трёхкомнатную квартиру, и профком собирается дать её Швамбранскому! Понял, что победа?

– Какая победа?

– Нет, ты понял? Или совсем дурак?

Магницкий пристально глядел на Забаву. Тот светился лицом и даже трепетал от нетерпения, как в момент требования ключей от свободной комнаты, где есть койка.

– Допустим, дурак. Говори.

– Нет, не могу больше, немедленно иду в комиссию молодых учёных требовать, чтобы твою работу изъяли из конкурса. Скажу, сам признался – дурак! Ладно, даю подсказку: у Швамбранского двухкомнатная квартира, кому она достанется?

– Не мне же!

– Это само собой. По главной очереди первым на двухкомнатную стоит Кохман. И он её получит, а живёт Кохман пока в однокомнатной! Значит, слушай внимательно, объясняю для полностью беспросветных идиотов: профком будет распределять однокомнатную Кохмана, которая находится в самом центре, сталинка! Кто первый в очереди на однокомнатные стоит?

– Я вроде бы...

– Ну вот, поздравляю! Наконец-то! Шикарная однокомнатная квартира в тихом зелёном дворике, в центре, мечта поэта! Вот к кому девушки будут ходить толпами! Ах, дружище, я тебе жёлчно завидую! Ибо живу в двухкомнатной, но с женой и ребёнком, а ты, существо парнокопытное, будешь обитать в однокомнатной, зато один. Кого хочешь, того и приводишь. Никакого Борцова спрашивать не надо.

– Насколько помню содержание сегодняшнего рабочего дня, это ты кого хочешь, того ко мне и водишь.

– Т-ссс! Тихо, дружище. Надеюсь, в будущем не забудешь своего верного товарища, который первым принёс счастливую весть, чуть не пав при этом замертво.

– Так сильно переутомился?

Что и говорить, новость Забава сообщил замечательную, однако её достоверность требовала подтверждения из более легальных, а главное, высокопоставленных источников.

Поэтому Магницкий протолкнулся следом за Забавой в комнату к Черкизову, но сначала не удержался, подошёл к Пуме, карандаш которой летал над строчками программной распечатки, и, ткнув пальцем куда попало, шепнул: «Здесь ошибка».

– С чего ты взял?

Но Виктор уже сидел напротив начальника чужого сектора, зато партнёра по настольному бильярду, сверля его острым взглядом, а тот ещё минут пять, никак не реагируя на гипноз, злобно скрёб позолоченным пером именной авторучки ни в чём не повинный лист бумаги. Писал квартальный отчёт по соцсоревнованию в отделе. А подняв голову, гнусно выразился:

– Что, любимец Рабиндраната Тагора по фамилии Марусидзе, в ваших глазах опять стоит немой вопрос о бесплатной раздаче слонов?

– Квартир, – поправил шёпотом Магницкий, – и только однокомнатных. Мне всего одну, больше не надо. Светит ли, о великий пророк и прорицатель, близкий к профкому, мне что-нибудь конкретное в виде «сталинки» товарища Кохмана? Кстати, смею напомнить, покорный слуга участвует в городском конкурсе молодых учёных. Даже вышел в финал.

– По благу пропихнули. Лучше бы замуж вышел и состоял в законном браке, – ухмыльнулся Черкизов, – или хотя бы в гражданском заимел ребёнка, а лучше двух, тогда и разговора бы не было. А так... – оценивающий взгляд прошёлся по груди Магницкого, и тот её быстро выпятил, – так... холостой... молодой... мэнээс, без диссертации. К тому же нагло хватается за коленки системотехников из отдела размножения. И при всём при том никак не желает размножаться. Позор!

– Я за коленки? Да ни в жизнь! Случайно... задел... бедро. А размножаться желаю. Но где? В общежитии несподручно.

– За бедро, говорите? Ещё хуже. И порвал при этом халат. А начальник отдела размножения, уважаемая Вильгельмина Карловна, которая и так о вас дурного мнения ввиду того, что вы набрасываетесь на её сотрудниц среди бела дня и рвёте на них одежду, между прочим, является членом профкома, да как на грех возглавляет жилищно-бытовой сектор. Заседание профкома по квартирам состоится в среду, вот если бы вы до среды успели жениться... или хотя бы зарегистрировать отношения...

– На ком?

– На каком-нибудь системотехнике. Ладно, шучу, – сделал скучное лицо, – будем за тебя биться всем, чем можем. Кстати, ты комсомолец или уже преждевременно абортировался из боевых сплочённых рядов?

– Абортировался. Но если заплатить взносы за три месяца, то комсомолец.

– Вот, плати немедленно комсorghу взносы за три прошедших месяца и за три месяца вперёд, будем величать тебя молодым учёным, комсомольцем, активно платящим взносы, всё плюс какой. Не вешайте нос, Шура. Как говорят хирурги, намыливая руки: «За этого больного можно побороться!» Шансы есть.

Вечером его обругал сожитель Борцов, по каким-то лишь ему ведомым приметам всегда легко вычислявший, что их общежитскую комнату посещали неизвестные лица с низкими целями.

– Ты меня достал, – объявил Гена, безжизненно валяясь на покрывале, – ну сколько можно пускать сюда всяких разных – заразных?

– Ген, Забава человек здоровый, кровь с молоком...

– Если смешать кровь с молоком и выпить данный раствор, то к тринадцатому метру длинной кишки из него получится трупный яд, – с псевдонаучным цинизмом констатировал сосед, – попрошу более парочек в комнату ни под каким видом не пускать. Ни больных,

ни здоровых, ни дальних родственников, ни близких друзей. А то просто дом терпимости какой-то. Причём терпеть приходится исключительно моей несчастной тахте.

– Всё, Ген, я тебя уверяю, скоро твои треволнения окончатся. Мне дают квартиру.

Борцов только хмыкнул.

– Не веришь? Правда. Швамбранскому – трёхкомнатную, его двухкомнатную – Кохману, а на однокомнатные – я первый на очереди, так что буду жить в сталинке Кохмана.

– Поздравляю! И представляю, какой бордель твои друзья устроят по такому поводу в однокомнатной сталинке! Генералиссимус три раза перевернётся под Красной площадью, вся брусчатка к чёрту!

– Зато ты останешься один, в тишине и покое, представь, какое истовое блаженство чистоты и целомудрия развернётся на данных десяти квадратных метрах!

– Нет, едва ли что выйдет, ты жизни семейной ещё не нюхал, – продолжал сомневаться Борцов, – а я разведён, потому знаю. У меня вообще была двухкомнатная квартира, жене оставил. Дурак. А впрочем, если дадут, ты молчи, никому ничего не рассказывай, направо-налево не ори. Понял? Будешь много болтать – спугнёшь удачу. В таком деле главное держать язык за зубами, чтобы комендант не узнала, что ты съехал.

– Подари ей коробку конфет, заплати пятьдесят рублей, и будешь жить один.

– Чтобы я взятки давал? – удивился Борцов. – Какой-то дуре? Да ни в жизнь! Пусть меня лучше акула проглотит!

Какая акула? Где её взять сейчас? Ох, и любит сосед Гена бросаться красными словами на ветер.

Чёрт вбросил Черкизова в армовскую комнатку внезапно, не иначе тащил уже на тот свет за шиворот, но напоследок дал задание ещё людям напакостить, и заодно побороться за моральный облик одной из своих молодых специалисток. Магницкий с Ларисой как раз стояли возле любимого автоматизированного рабочего стола, обнявшись в зашторенной тенистой тишине и благодати – то ли одну минутку, то ли все двадцать в полном беспамятстве. Согнув гибкую шею и сверкая тёмным зрачком, Пума примостилась родной щёчкой на белой рубашке с расстёгнутым воротником, без галстука. Его руки обнимали тонкую трепетную талию, благодаря которой остальное тело казалось невесомей воздуха, ускользало от понимания, так бы поднял и нёс, и нёс, чтоб прочувствовать по-настоящему, какая она есть на самом деле.

Реакция на появление третьих лиц произошла самая что ни на есть глупая: он таки поднял её за талию, как хотелось, поднял и отбросил в сторону, да так лихо, что та фигуристой улетела аж к дисководу. От возмущения Пума чуть не взорвалась, глаза полыхнули, но, увидев непосредственное начальство, мигом заняла рабочее место. Перед тем покачав осуждающе головой. Ещё бы. Черкизов тоже покачал головой. Сконфуженный Магницкий остался стоять живым памятником идиоту.

– А, вот ты где, – как ни в чём не бывало сказал завсектором, – пойдём-ка, выйдем на пару минут. У меня к тебе дело громадной государственной важности имеется – по благоустройству городского кладбища.

Пума сидела на автоматизированном месте неприступная, ещё немного взволнованная, и, сжав губы, резво колотила по клавиатуре, как по глупой башке Магницкого. Было ясно, что Черкизов шутит, но лучше пока куда-нибудь удалиться на время, и Магницкий направился в коридор.

– Излагайте ваши претензии, – первым кинулся он в атаку, полагая, что Черкизов затребовал его в воспитательных целях.

Однако тот и не думал взывать к соблюдению моральных устоев в служебное время, а даже подмигнул, и молча продолжил движение через чёрный ход на улицу. Окружное лицо начинающего начальника светилось вселенской добротой и пониманием текущего момента.

– Тут такое дело, – начал он, – намечается... Короче говоря, как мне и предчувствовалось, твоя первая очередь на однокомнатную ни в коей мере не гарантирует её получения...

– В смысле? Как это так?

– Э, батенька мой, не забывайте: социалистическое государство живёт единственно заботой о людях нуждающихся, защищая всеми силами униженных и оскорблённых. А ты не унижен и не оскорблён. Это раз. Здоровый, молодой, крепкий мужик. Вона как девушку турнул от себя, чуть дисковод не перевернула. Кроме того, неженатый. Это два. Детей на иждивении не имеешь. Три. Стало быть с точки зрения социальной политики профкома очень уязвим. Ячейку общества не создал, комсомольских взносов не платишь, живёшь в своё удовольствие, как сыр в масле катаешься, ну вот и живи себе дальше в общежитии. Запросто найдутся люди более нуждающиеся.

– Но я же молодой специалист, работаю, в заочной аспирантуре учусь, по командировкам без отдыха мотаюсь, у меня тринадцать статей. И взносы заплатил! Значит, комсомолец! Передовик!

– Умри, несчастная. Статей двенадцать. Все работают и все учатся, и у всех статьи. А комсомольцев в Советском Союзе как собак нерезаных, на всех квартир всё равно не хватит.

– Как это двенадцать? Я шефу давным-давно тринадцатую сдал в читку.

– Знаю. А он похвалился Киселю. А тому для докторской как раз последней капли не хватало. Так что двенадцать у тебя статей по-прежнему, это число в некотором смысле даже лучше, а то чёртова дюжина получается.

– Да я не суеверный. Ни хрена себе, а шеф что?

– Шеф согласен. Это же решение директора – проталкивать всеми имеющимися силами Киселя наверх, и не нам его отменять. Есть виза руководства. Короче, молодой человек, вы что-то слишком благополучно выглядите, чтобы получить эту самую однокомнатную. Появится какой-нибудь мало-мальский инвалид умственного труда без левого полушария, и квартиру отдадут ему. Это пока не точное научное знание, но есть у меня такое неприятное предчувствие.

– Что же мне, под грузовик бросаться, чтобы угодить социальной политике нашего профкома?

– Первым делом, не возникай насчёт статьи. Шеф пишет тебе блестящую характеристику и уже указал в ней, что ты активный комсомолец и хороший товарищ. Это раз.

– А два?

– Два – помирись с Вильгельминой, которая в профкоме имеет решающий голос при распределении квартир. Нашёл против кого воевать, идиот. Сейчас самый удобный момент...

– Лучше на телеграфном столбе удавиться.

– Нет, лучше помочь ей выкопать могилу. Что глаза таращим? Имейте в виду, Витя, даром я вас питать не намерен. Пора собирать информацию и крутиться самому. У неё вчера умер папа. Сегодня формируем от коллектива бригаду на кладбище рыть могилу. Есть мнение, что это твой единственный реальный шанс помириться с Вильгельминой на кладбище у могилы незабвенного папы Карла. Она придет туда сегодня вечером лично вручать призы победителям соцсоревнования среди копщиков в виде водки русской. Твоё дело – глубоко копать, мало пить и кроме «пусть земля ему будет пухом» ничего больше не говорить. Полстакана жажнешь, слеза покатится, не утирай, молчи-помалкивай, стой тихо, грустно, тем заслужишь доверие, и заодно из врага Вильгельмины перекуёшься в друга. Тогда ста-

линка твоя. Станешь у нас почётным сталинистом. Иди собирайся, узик с инвентарём перед институтом кочегарится, назад не вернёмся, с кладбища сразу по домам развезут.

На кладбище летом очень хорошо: упоительно жарко, среди в рост высокой, дурманящей голову запахом мёда травы жужжат прерывистым басом мохнатые шмели. Зачинатель всех великих институтских строек электронщик Котомкин неспешно поплевал на ладони, взял штыковую лопату. Начали копать попарно. Шесть человек институтской похоронной бригады разбились на три двойки, и каждые десять минут сменяли друг друга, резво уходя в твердокаменную глину.

– Вильгельмина просила вырыть глубину четыре метра, – объяснял Котомкин, с которым они работали в паре и вместе отдыхали в сторонке. – Наверное, папаша чем-нибудь при жизни досадила, решила как следует его прикопать. Хотя бы какая тучка солнце закрыла, что ли! Жарит, аж жуть! Как полагаешь, Вильгельмина нам по сколько-нибудь заплатит?

– Размечтался. Сочтёт общественным профсоюзным долгом и святой человеческой обязанностью. За деньги она бы кладбищенских наняла.

– Вот и мне так кажется. Но кладбищенские на четыре метра копать не будут, дураков нет, в лучшем случае два с полтиной – и хватит. Куда к чёрту? На четыре скот хоронят с сибирской язвой и заразу всякую, но там экскаватором роют.

– Три на полтора площадь, да ещё четыре в глубину, это восемнадцать кубов глины, по три на брата придётся. Ухряпаемся серьёзно.

– Хватит ей трёхметровой глубины. А то домовина выйдет больше моего флигеля. Так я в нём со всей семьёй мыкаюсь, а дед один лежать будет.

К вечеру, когда солнце ещё сильнее распалилось от собственной безнаказанности, подъехала Вильгельмина на директорской «Волге», выйдя из которой, требовательно оглядела сотрудников-землекопов, молча подошла к могиле. Глава отдела размножения была по обыкновению в чёрном костюме, который ныне сходил за траурный. Выражение лица привычно грозное. Может, хоть теперь Вильгельмина не станет возражать, чтобы Магницкий получил долгожданную однокомнатную квартиру, вот когда наступит истинно невиданное и слыхом неслыханное счастье жизни!

– Мне кажется, здесь нет четырёх метров, – сказала начальница, стоя на доске и заглянув за край.

Даже в несусветную жару могила дышала сырым холодом вечности.

– Осторожней, Вильгельмина Карловна, не упадите, а то без лестницы мы вас не доставим, а лестницы у нас нет. Четыре метра ровно, как заказали, там уже сырость началась. В воду нехорошо гроб ставить.

– Как же вы оттуда вылезали без лестницы?

– На лопате, – кратко и с достоинством ответил Котомкин.

Скорбящая дочь отступила от края, передала копщикам сумку с водкой да закуской и быстро уехала. Наклонившись к Магницкому, Котомкин продолжил мысль:

– Не на метле же, – однако, вытащив из сумки четыре бутылки водки, палку страшно дефицитной копчёной колбасы и чёрный хлеб, добавил: – Серьёзная бабенция, понимает, что к чему, не зря член профкома. Ну что, товарищи учёные, нажрёмся прямо на кладбище?

Выпили, не чокаясь, за землю пухом для покойного, потом чокнулись за новую квартиру Магницкого во всех подробностях: за тихий подъезд, красивую соседку, нормальную сантехнику, исправную электроплиту и так далее. Обмыли на славу. Котомкин даже проследил под конец. Ему из-за частного дома квартира в принципе не светила. Конечно, можно частный домик продать, отнести в профком справку, что своего жилья в городе не имеешь, тогда поставят на очередь, но как потом с семьёй по квартирам мыкаться лет десять?

6. Он устал и хочет счастья

Два куба твердокаменной кладбищенской глины действовали на молодой организм угнетающе, с учётом крепко-накрепко заколоченного душа вообще расстрельно. Не идти же в баню, чтобы париться там в очереди часа два-три. Магницкий выбрал самый лёгкий путь отдыха – завалился в койку. Борцов по неизвестной причине отсутствовал. Оказавшись вне его назиданий, Виктор расслабился, готовясь отойти ко сну минуток на двести, а если повезёт, то и до самого утра. В коридоре на удивление тихо: слышно, как комочки подсохшей могильной глины осыпаются с волос на подушку.

Странная история получается: дедушка уйдёт под эту самую земельку только завтра, а он уже сегодня заснёт на ней, как убитый. Не зря говорят: всякому овощу свой срок. В комнату постучали. Виктор решил отмолчаться, не помогло: дверь тихо отворилась, как-то вполоборота вошла невысокая женщина с кротким выражением простого лица. Густые русые волосы расчёсаны на прямой пробор, глаза серые, неприметные.

– Свекольник сварился. Будешь?

Нина. Бог ты мой, совершенно забыл, что она существует на свете. Да, да, да, упустил из вида тотчас, стоило Пуме положить голову ему на грудь. Вдохнул эфир счастья, и всё связанное с давней подружкой мгновенно испарилось. А ведь никуда она не делась, вот, пожалуйста, существует, думает о нём, заботится, приготовила ужин, пришла звать.

– Нет, спать хочу.

– Салат есть и тефтели.

– Тефтели с пюре?

– С гречкой.

– Нет, сейчас спать буду. Потом как-нибудь. Спасибо.

Не то чтобы не хотелось гречки с тефтелями, но первым делом надо срочно обдумать сложившиеся обстоятельства, рассмотреть их в подробностях со всех сторон. Вопрос первый: что ему теперь с ней делать? Нина по умолчанию считает себя его женой, незарегистрированной, но всё равно – женой. Раньше Магницкий об этом старался не думать, жить да жить, как получается, теперь никуда не деться, надо принимать факт во внимание, учитывать, и как-то выпутываться из ситуации. А Пума?

Или Нина не жена, а пока любовница? Существует ли вообще любовница без жены? Может быть, она просто подруга... детства? Гражданский муж ощутил острый укол совести за упавшее невесть откуда на голову счастье, отвёл глаза в сторонку. Гражданская жена. Дурацкое название: если брак не зарегистрирован официально, называется гражданским, если в загсе печать шлёпнули, то какой – церковный, что ли? Один чёрт, гражданский. Просто не знают, как поприличней сожителство назвать, вот и выдумывают... хитрецы. Да они-то, конечно, хитрецы, а ты сам кто?

А он, Виктор, себя мужем не считал и не считает. И жениться на Нине никогда не собирался! И не обещал на этот счёт ничего, а Нина не спросила ни разу. Но как сказать прямо в лицо, что теперь ни её рассыпчатая гречка не нужна ему, ни вкусные тефтели, ни, в особенности, она сама здесь? Попытался собраться с духом – не получилось. Раз сказать правду он не в состоянии, значит, придётся её обманывать? Противно. А если объясниться с ней сейчас, это вызовет ужасающую, продолжительную по времени, весьма возможно – многодневную бурю со слезами, приставаниями, выяснениями отношений по пять часов кряду, непременными воплями и проклятиями на его голову, а бури ой как не хочется. Он устал. Он хочет счастья. Он почти счастлив, в то время как Пума замужем, и он тоже, почитай, женат.

Да, если выразить своё нынешнее отношение к Нине немедленно, поднимется такой шторм, что от счастья решительно ничего не останется. Можно, он ещё немного полежит,

пребывая в ничем не омрачённом, чудесном влюблённом состоянии, а скажет как-нибудь в другой раз? Завтра вечером, перед сном, когда в комнате будет Гена Борцов. При Гене Нина не взорвётся, а к утру, глядишь, перегорит, переплачет... и сама пошлёт его к чёрту навсегда?

А вдруг завтра Пума не захочет класть голову ему на грудь? Скажет утром, как отрезет: «Пошёл вон, надоел!». В принципе, ей это запросто. И положит Забаве, или тому же Черкизову? Нет-нет, такого быть не может! Он грустно улыбнулся.

Лариса ему вообще никто, даже не гражданская супруга, так, любимая. Зато Виктор чувствует, знает, уверен на все сто, что Пума любит его настолько же сильно, как он её, в этом нет ни малейших сомнений, и от того он безмерно счастлив, боже, как хорошо жить!

Нина не уходила. Взяла стул, села у изголовья с кротким выражением женского понимания, будто Магницкий очень болен и ему нужна круглосуточная сиделка.

– Опять посылали на отработку?

– Да, могилу рыл близнему своему.

– Поел бы, а потом отдыхал.

– Сначала отдохну, потом поем.

Магницкий смежил веки, давая понять, что аудиенция окончена.

– Ну, ладно, – вздохнула Нина печально, и посмотрела долгим взглядом в пыльное окно, которое сама мыла ещё прошлой осенью. Неизвестно какая муха её укусила, пришла и помыла. Не выдержав внутренней борьбы, Магницкий поделился новостью:

– Представляешь, обещают на днях квартиру дать однокомнатную, сталинку в центре.

Нина не верила, сидела, ждала ещё какого-нибудь вранья, но Виктор устало замолчал, и через минуту её глаза округлились от восторга:

– Правда? Тебе квартиру дают однокомнатную? Вот здорово! Да врешь! Нет? Хорошо бы, в квартире ванна есть, всегда можно согреть воды и помыться, не то что здесь.

– Всё можно. И помыться, и просто одному побыть, и друзей пригласить, и вообще, – Магницкий глянул на Нину, но поспешил продолжить, – я первым на очереди молодых специалистов уже сто лет числился. Думал, годам к тридцати, когда защищусь, кинут кость, а тут такая внезапная удача выпала – на расширение люди пошли в трёхкомнатную, другие в двухкомнатную, и в результате длинной рокировки мне однокомнатная перепала с кохмановского плеча.

– По этому поводу пили?

– Нет, это на кладбище, одной начальнице отдела могилку копали.

– Сколько ей лет было?

– Папенька ейный представился. Глина твёрдая, как камень, надолбились до чёртиков, рук не чувствую, веришь? Смотри, какие мозоли вздулись!

– Стопроцентно получишь?

– Практически да. Профсоюз утвердит решение на правлении, и можно будет ордер получать да вещички перетаскивать.

– Я так рада за тебя, ты просто не представляешь!

– Хо! А я-то как рад. Если не могила, сейчас бы летал по воздуху, но сильно устал. Надеюсь, что не зря долбился: Карловна в профкоме распределением квартир ведаёт, и чего-то на меня бочку катит, так я отработывал, дабы расположить в свою сторону. Хотя и так бы поехал на раскопки, чего не выкопать для хорошего человека могилу?

– А чем ты ей не угодил?

– Чёрт её знает. Она женщина с приветом, к тому же начальница орденосная.

– Меня на новоселье пригласишь?

– Без проблем. Свои же люди.

Нина опять скучно посмотрела в окно, её энтузиазм угас. Но не надолго:

– Адрес знаешь?

– Конечно.

– Пойдём, посмотрим.

– Да ты что? Один ни рукой ни ногой, а она – «пойдём». Не, намахался так, что ой-ёй-ёй. Потом как-нибудь. Чуть не сдох в той вильгельминовой могиле, до сих пор земля сыпется с головы на подушку. В другой раз сходим, посмотрим.

– Да, в отдельной квартире жить будет здорово. Я себе представляю.

– Откуда? Можно подумать, ты жила когда-нибудь в отдельной квартире!

– Ну я поэтому и говорю: можно себе представить!

– Разве что представить. Я и представить пока не могу. Невообразимое великолепие какое-то. Пришёл домой, закрыл за собой дверь, и... никого!

– Первым делом сантехнику заменить. Новый унитаз достать, импортную мойку и кухонный гарнитур. Польские очень хорошие. Кстати, у меня знакомая работает в мебельном магазине, может помочь достать. Косметический ремонт произвести, подновить, обои на свой вкус наклеить, чтобы квартира блестела, как конфетка. Я даже не завидую, такому счастью грех завидовать. Но, если честно, Виктор, не смогла бы, как ты сейчас, валяться на койке, со смертного одра встала и пошла смотреть, хоть на окна, и какой из себя подъезд.

– Вот в другой раз выкопаешь кому-нибудь могилу, вниз три метра сплошной глины, и попробуешь сходить, а я на тебя посмотрю, на умную.

– Балкон есть?

– Раз четвёртый этаж – конечно, есть.

– На балконе можно цветы развести, чтобы цвели круглое лето с июня по сентябрь, а ещё вырастить плющ по стенке.

– Здорово, – Магницкий сцепил руки на груди, – видел я такие балкончики. Красота! Только мороки с ними много, каждый день поливать, землю менять, вредителей травить, рыхлить, окучивать... нет, не для меня.

– Зато красиво! Я бы в своей квартире обязательно устроила зелёный балкончик. Представляешь, утром выходишь подышать свежим воздухом – и попадаешь в цветущий, благоухающий сад!

– Ага, сад, метр на полтора. Ладно, ладно, не расстраивайся, дам тебе ответственное поручение поливать мой балкончик.

Удовлетворившись этим обещанием, Нина встала и легко покинула комнату, оставив Магницкого лежать бессильно распростёртым. Беспомощным он оставался ровно две минуты, пока ее шаги не стихли в конце коридора, после чего вскочил, кинул решительный взор в зеркало и побежал смотреть будущую квартиру. Не то чтобы жалко показать дом Нине, вовсе даже нет, но как-нибудь потом. Сейчас надо посмотреть самому. Это было новое, почти интимное чувство, каким он не мог делиться с другим человеком, даже с женщиной, даже с Ниной. Эх, жалко, Пуме нельзя показать. А потом бы, глядишь, ей понравилось, и осталась бы с ним в той сталинке жить-поживать. Да погоди, ещё и останется.

На трамвае доехал до улицы маршала Жукова, пошёл, глядя на номера, пока не уткнулся в свой, уже почти и родной домище. Обежал со всех сторон. Двор оказался тихий, тенистый от старых клёнов, с бабушками на лавочках. Хорошо, если бы окна выходили во двор. Неужели будем здесь жить? Магницкий задрал голову, разглядывая верхний четвёртый этаж, прозрачные чистые стёкла окон, нарядные балкончики с цветами, точь-в-точь как мечтала Нина, и тут его хлопнули по плечу. Рядом стоял и улыбался Кохман.

– Интересноешься? Идём, квартиру посмотришь, ничего квартирка, для моего семейства маловата, а тебе в самый раз будет. У нас уже вещи упакованы для переезда, на узлах третий день сидим. В двухкомнатной сразу пианино куплю дочке, давно обещал, здесь совсем негде ставить. Повеселим новых соседей! – он хихикнул. – Нет, потолки у тебя будут высокие, объём большой, а площадь не очень.

Потолки действительно оказались замечательные, вдобавок с лепниной в виде розеток.

– Красота?

– С общагой никакого сравнения.

– Поможешь вещи перевезти?

– Конечно. Я же самое заинтересованное лицо.

– Там у меня пятый этаж, зато лифт. А пианино по лестнице придётся тащить.

– Затащим без проблем.

Воодушевлённый блестящими перспективами жизненного устройства, Магницкий вернулся в общежитие, где завалился спать и проспал подряд целых восемь часов счастливым человеком. Ему снились бесконечные анфилады комнат сказочного дворца, наполненные светом и ароматом яблоневого сада, а он шагал, шагал по ним, пока не очутился на маленьком уютном балкончике, обильно украшенном разноцветными фиалками, на котором, прыгая от нетерпения, ждала его длинноногая Пума. И никакой брат по разуму Черкизов не испортил им наслаждения от безумно жарких объятий.

7. Имею койку да тумбочку...

У проходной Магницкому встретились сразу три женщины в трауре. «Плохое начало обещает хороший конец, – объяснил себе, – а конец, известно, делу венец! Тем сердце и успокоится. Всё в порядке, можно даже сказать, что повезло. Есть шанс набрать дополнительные очки в борьбе за отдельную благоустроенную жилплощадь». Скромно приблизился к Вильгельмину Карловне, тупя взор об её туфли сорок третьего размера.

– Позвольте выразить вам глубочайшее соболезнование!

Рядом с мамой стояла Жанна в затрапезном жёлто-сером, мятом-премятом белогвардейском халате, с аккуратно пришитым карманом, в стоптанных туфлях и с чёрной ленточкой в волосах. После ночной смены, что ли? За руку держала дочку, которую в садик не отвели, а взяли с собой на похороны. При виде Магницкого Жанна отвела лицо в сторону. Наступила минута молчания. Женщины ждали продолжения траурной речи, Виктор не знал, что говорить ещё, и тихонько перескочил взглядом с большеразмерной туфли на ногу Жанны.

Что это он там нафантазировал прошлый раз насчёт этой ноги? Боже мой, стыдоба! – И не совестно вам, товарищ Магницкий, в рабочее время заниматься форменным безобразием? – Стыдно, товарищи. Больше не буду.

– Спасибо, – сказала Жанна, – мы вам благодарны за участие.

И Вильгельмина тоже дрогнула на пару миллиметров носом. «Наверно, я прощён, – возликовал мэнээс. – Больше басурманином не буду, отныне и навсегда зарекаюсь лазить в карманы системотехников за „раковыми шейками“!»

– Какой прелестный ребёнок, – от души поразовался он. – Жанночка, я вам по-хорошему завидую.

– У вас ведь нет детей? – подала голос Вильгельмина Карловна.

– Пока холост и бездетен, – кратко резюмировал Магницкий, – но сейчас вдруг подумал, что хотел бы быть папочкой такой миленькой девочки... в смысле потом как-нибудь, в будущем.

Очередные алые паруса пронесли по лицу Жанны.

– А вам сколько лет, товарищ...

– Магницкий.

– Товарищ Магницкий?

– Двадцать семь стукнуло, – и по привычке брякнул: – Из комсомольского возраста... пока не вышел, взносы плачу регулярно, и в общественной жизни активно участвую... например, в городском конкурсе молодых учёных...

– Жениться пора, молодой человек, семью создавать!

– Да кто же против, Вильгельмина Карловна? Я бы с преогромным удовольствием женился, но в том-то и дело... жилплощадь не позволяет. В общежитии имею койку да тумбочку.

– Ну-ну, не прибедняйтесь, Магницкий, не прибедняйтесь! Я этого не люблю! Даже полное отсутствие жилплощади никому ещё не мешало вступить в законный брак. Вот для жизни семейной – да, там жилплощадь необходима, с этим трудно не согласиться. А для одинокого мужчины отсутствие квартиры не проблема, ничего страшного, найдёте себе вторую половину с жилплощадью, семьёй обзаведётесь, детьми, какие ваши годы! Комсомольские!

Появился директорский шофёр.

– Вильгельмина Карловна, автобус готов, можно ехать.

«Что-то я не понял, – призадумался мэнээс, – набрал сейчас очки, или случился перебор?»

8. Ревнивый, но воспитанный муж

Утро для Виктора всегда самая продуктивная часть рабочего дня. С 8 до 12 работа спорилась, а потом сразу и очень сильно хотелось кушать. А потом спать. От последнего спасла бы только в пух-прах проигранная бильярдная партия, с ней приходила обычно рабочая злость, на которой можно проехать худо-бедно часов до пяти. Но в этот день сразу не заладилось. Уже в пять минут десятого так сильно захотелось увидеть Ларису, а главное – ощутить её голову на собственной груди, вдохнуть аромат гладко стянутых в хвостик волос, что Виктор вскочил со стула и начал ходить по комнате из угла в угол.

– Что ты, будто белый медведь в клетке, мотаешься? – потерпев немного, сочла нужным выразить неудовольствие Зоя Степановна. – Успокойся, не маячь перед глазами.

– Мне на ходу лучше думается, – соврал Магницкий, – а впрочем, не буду мешать, пойду по коридору пробежусь.

В коридоре достаточно сделать три небольших шага, и, пожалуйста, вы уже в соседней комнате. Главного блюстителя морали в это время нет на месте, он на производственном совещании, это плюс. Чертя в воздухе ладонями плавные круги и эллипсы, на переднем плане Забава объяснял Ларисе своё понимание алгоритма некоего природного процесса, который она должна ему срочно запрограммировать, тряс мятым листочком с какими-то формулками, сам сильно в них путался и убегал взглядом за окно. Пума «ловила его на слове» – старательно записывала соображения теоретика в тетрадку, соорудив из пухлых пунцовых губ привлекательный бантик, всем своим видом демонстрируя полную лояльность.

– Ясно? – спросил Забава, как только увидел входящего Магницкого. – Тогда за дело, с богом! Надеюсь, сегодня вечером покажете мне какой-нибудь отлаженный первый модуль. А завтра уже что-нибудь конкретное посчитаем...

– Не вполне... – протянула Пума.

– Вот завтра и обсудим, а пока делайте, как поняли, чтобы я понял, чего вы не поняли, – встал, протягивая руку Магницкому. – Ты не сгорел ещё от жары сегодня? А я спёкся. Пойдём, лимонада хватим по стаканчику в цехе?

– Иди, я ещё потерплю.

– Ну, смотри.

Бросив мятый листочек в мусорку, Забава кинулся охлаждать горящие поршни.

Сердцеедка Лариса заглянула прямо в душу Магницкого и на всю комнату объявила:

– Пойдём, миленький, поможешь мне запрограммировать забавные фантазии.

Девчонки зафыркали.

Не обращая на них внимания, Виктор широким жестом предложил Пуме руку, та положила свою ладонь на его, и они пошли, пошли, пошли, вытянувшись в струнку, как к аналою. Сначала вниз по лестнице, затем мимо стеклянных застенок охраны, затем по длинному коридору, как по храму, в котором высоко под сводами тысячью свечей полыхали яркие лампы дневного света и присутствовал целый ряд свидетелей-программистов, сутуло паливших в свои ядовито-зелёные экраны. Меж ними бегала церковной служкой системотехник Жанна с траурной ленточкой в растрёпанной причёске.

Её не пустили на похороны дедушки из-за возникшей ситуации!

«Сейчас покраснеет!» – догадался Магницкий, следя за лицом системотехника, но слишком возомнил о собственной персоне. На этот раз Жанне нет до Виктора никакого дела, она даже мельком не глянула в их сторону, сосредоточенно пересчитывая в маленьком блокнотике неправильно сдвинутые биты оперативной памяти. Парочка беспрепятственно погрузилась в тёмную прохладу армовской комнаты, наконец обнявшись, совсем уж близкими людьми после долгой разлуки. Можно сказать, припали друг к другу в сложной только

на взгляд непосвящённого человека позы: голова одного на грудь другого. На вид неудобно, а лучше не бывает.

– Закроемся?

– Что люди подумают?

– Люди подумают, что мы опять обнимаемся.

И тут Магницкого осенило:

– Слушай, пойдём гулять?

– Сбежим, что ли, с работы? – с обезоруживающей детской непосредственностью спросила Лариса.

– Что ты, что ты... разве можно... так говорить... вслух? У нас, между прочим, день ненормированный. Запросто в обеденный перерыв может случиться машинное время. В таком случае обед переносится на десять часов утра. Но это скажем только в том случае, если нас будут искать, в чём я весьма и весьма сомневаюсь. Кому мы нужны? Разложи свои бумажки по клавиатуре, будто на пару секунд отошла. Ну вот и отлично. Стой, куда? Не через вахту же, ой, молодо-зелено, через чёрный ход смоемся.

На улице замечательно свежо: солнышко, лёгкий ветерок, в парке деревья шумят вершинами, трамваи бегают-трезвонят, люди сплошь и рядом симпатичные. Виктор глубоко вдохнул, взял Пуму под ручку и направился куда глаза глядят. В ближний парк. Но Лариса завертела головой по сторонам:

– Давай лучше обедать пойдем.

– Если кто спросит, мы и так идём обедать. Объявится сейчас некий неизвестный товарищ, пристанет с вопросом: вы чего здесь гуляете? По какому случаю? Это я к примеру рассуждаю, не бойся, не оглядывайся. А мы ему ответим честно и откровенно: не гуляем, уважаемый, – обедать идём. Он сразу и отстанет.

– Хитрый ты очень.

– Не хитрый, а сообразительный, что разные вещи.

Парк по периметру обсажен стриженным кустарником, и если люди внутри периметра садятся на лавочку отдохнуть, то делаются с улицы не видными.

– Присядем ненадолго?

– Нет, миленький, нам же в столовую.

– А допустим в первом приближении, что шли и устали, из сил выбились, сели отдохнуть. Что, нельзя разве?

– Не положено.

Они почти пересекли весь парк по диагонали, скоро парковая дорожка сольётся с уличным тротуаром, где народу – не протолкнуться. Шаги сами собой укоротились. Пума завертела головой по сторонам.

– Стой! – вдруг скомандовала, крепко хватая его за плечи и разворачивая спиной к улице, сама встала близко-близко, чуть даже коснувшись грудью, и осторожно выглянула из-за его лица одним глазом, наблюдая за кем-то. – Не шевелись!

– Что случилось?

– Тихо ты! Муж. На нас смотрит. Прошу же не шевелиться! Смирно стоять можешь? С какой стати здесь оказался? На работу ко мне, что ли, решил зайти без спроса?

Они почти одного роста, его глаза на уровне её бровей. Когда прячется за ним полностью, он видит огромные, расширенные от страха бездонные чёрные зрачки.

– Не горбись, Магницкий. Что, боишься – по башке прилетит? Не бойся, он пока далеко.

– Тогда идём?

– Нет, если меня признает, знаешь, какой вой дома поднимет? С кем стояла? Отчего? Почему? А пока ещё не разобрал, вдруг почудилось? Грудь шире надуй. Плечи в состоянии развернуть?

– Плечи не умею. Уши растопырить?

– Всё, идёт сюда, – она вдруг совсем придвинулась, возложила локти на плечи. – Обними, будто целуемся. Муж знает, что я целоваться не люблю, тем более на улице, решит, что померещилось. Он очень ревнивый, но воспитанный человек: ни за что не подойдёт к целующейся паре. Если, конечно, сразу не разглядел. Если узнал, обязательно прибежит, тогда его ничем не остановишь.

Руки Магницкого осторожно возлегли на тонкую, изогнутую талию.

– Так это...

Целоваться Пума отказывалась, рта не разжимала, но ресницами щекоталась лихо. В предчувствии удара сзади по голове Виктора чуть не разобрал нервный смех.

– Хватит обниматься, ушёл!

Магницкий оглянулся. Прохожие по-прежнему снуют одновременно в двух направлениях, некоторые смотрят на них понимающе.

– А скажи, будь добра, муж был? Не выдумала?

– Муж был и есть, никуда не делся.

– Сейчас был?

– Сейчас не было, и что с того? Испугался напрасно? Обиделся, миленький? Обнять тебя очень захотелось, только и всего. Знаешь, чем зря шляться-рисковать по улицам, давай лучше я к тебе приду в воскресенье в гости. Или в субботу. Часиков в пять?

– Согласен.

– Жди меня в семнадцать ноль-ноль. В субботу или воскресенье. Я пока не могу сказать точно. Будешь ждать, миленький?

– Само собой, конечно. В субботу или воскресенье.

– Ты один живёшь в комнате?

– С товарищем. Но у него есть великолепное качество: по выходным он ходит навещать детей к своей прежней семье, потому как человек разведённый, пожилой, на четвёртом десятке. Нет, у него даже два превосходных качества имеются; первое я назвал, а второе, – представь себе, – Гена даёт деньги в долг, а потом ждёт молча, не напоминая, когда отдашь. Сейчас только вспомнил, что уже третью неделю должен ему двадцать пять рублей. Святой человек, правда? Почти папа римский, только без этой... без тюбетейки. Надо будет вернуть должок, потому что если наш святой Геннадий раздухарится, никому мало не покажется.

– Но это ничего, если я приду? Сосед не обидится?

– Ничего. Я буду очень ждать. Сяду в половине пятого на стул, закрою глаза и как размечтаюсь!

9. У тебя другая женщина?

Вечером Магницкий повстречался в общежитском коридоре с Ниной. Будучи преисполнен радостью жизни, при виде её опять испытал лёгкую растерянность, стало немного стыдно за своё настроение, связанное с посторонней любимой девушкой, но счастья внутри оказалось настолько с излишком, что и ей он разулыбался, как хорошей знакомой.

– Ну? – спросила она, радостно блеснув глазами в ответ.

– Что?

– Ходил смотреть квартиру?

– А, квартиру... конечно. Вопрос решится завтра, а сегодня надо затаить дыхание и терпеливо ждать. Я стараюсь не думать об этом деле, чтобы не спугнуть сталинку с балконом.

– И как, понравилась?

– Нина, зачем спрашивать глупости? Как может человеку, всю жизнь мотавшемуся по общагам, не понравиться отдельная благоустроенная квартира? Даже самая плохонькая, у чёрта на куличках, и та показалась бы раем небесным, а тут трёхметровые потолки с гипсовыми розетками, да ещё в центре.

– Со мной идти не захотел, расстонался: могилу копал, устал, отдыхать буду!

– Дорогая Нинель, вся эта квартира в данный момент на воде вилами писана. Могут и не дать, а ты человек впечатлительный, эмоциональный, вон уже как насчёт балкончика размечталась! Кухоньку воочию увидишь, санузел с ванной, вообще полёт фантазии такой начнётся, что никакими силами не остановить. Кинешься в хозяйственный магазин покупать тарелки с вилками да ложками. А вдруг не дадут? Что тогда? Опять депрессия, слёзы, зачем?

– Но ты же первый стоишь в очереди на однокомнатную?

– Вроде первый. Что с того?

– Не финти, Магницкий. Мне кажется, ты не хочешь брать меня с собой. Ведь не хочешь?

– Боже мой! И это ты говоришь мне?

– Отвечай, Виктор. Я серьёзно спрашиваю.

– Минуточку, предлагаю зайти в комнату. Вот, Борцова нет, начинай прямо с порога учиться чувствовать себя как дома. О чём мы беседовали?

– Виктор, ты свинья!

– Это я помню. Теперь совместными усилиями конкретизируем данный постулат и подвергнем его системному анализу.

– Тут и без анализа ясно, что мы состоим в гражданском браке уже целый год, просто живём в разных комнатах, но кушать супчик и тефтели ты приходишь ко мне, и вообще... Виктор, скажи честно, у тебя появилась другая женщина?

– Какая другая? – ненатурально изумился Виктор. – Смешно слышать. Ты громче кричи, пожалуйста, чтобы всё общежитие было в курсе природы нашего скандала.

– И закричу, мне не стыдно. Стыдно должно быть тебе!

– Да возьму я тебя в квартиру, если хочешь, боже мой, какие проблемы? Если выделяют, конечно. Но пока в руководящих кругах преобладает мнение, что товарищу Магницкому достаточно комфортно живётся и в общежитии, потому что бездетный и бессемейный. Так есть ли смысл товарищу Магницкому мечтать всерьёз о цвете занавесок на кухне?

– Но можно сказать им, что де-факто ты женат гражданским браком, я подтвержду... подтвержду, а если потребуется, приведу сто человек свидетелей, половина общежития в курсе дела. Виктор, надо бороться, не опускать руки, когда ещё будут давать однокомнатную квартиру? Может быть, никогда.

– Вот только, ради бога, не приводи пол-общезития. На профком это не подействует, я тебе гарантирую, а Вильгельмина Карловна точно впадёт в безумную ярость. Если бы я мог предъявить свидетельство о регистрации из загса – тогда другое дело, а свидетелей все могут привести, и сто человек, и больше.

– Знаешь что? Давай прямо сейчас сбегает в райисполком, ведь там тоже есть отдел загса, зарегистрируемся и получим свидетельство о браке. Скажем им, что ты уезжаешь в дальнюю командировку на Север и это вопрос жизни и смерти.

– Ну да, срочно по делам на полярную льдину, которая вот-вот расколется, и молодой муж не вернётся, зато беременная жена начнёт получать пенсию по утере кормильца от государства. А райисполкомовцы тут же потребуют предъявить командировочное удостоверение. Ты посмотри на часы, какой райисполком работает в это время, уже семь вечера!

– Тогда можно завтра с утра. Пойдём пораньше, к открытию, зарегистрируемся первыми.

– Полагаешь, в нашем профкоме заседают сплошь идиоты? Мне в лицо скажут, что я уговорил какую-то первую встречную – поперечную на штамп в паспорте, лишь бы урвать с родного предприятия квартиру. Это будет минус в моральном плане, а не плюс.

– Тебе бы только оскорбить меня бранным словом. Встречная – поперечная! Так меня ещё не называли. Какая же ты свинья, Виктор!

В комнату вошёл Борцов.

– Здравствуйте, товарищи сожители!

Нина кинулась к двери, легко отшвырнув соседа с дороги.

– А вы, конечно, подслушивали! – выкрикнула она гневно и выбежала вон.

– Слышал в коридоре только, что Виктор – свинья, но, во-первых, фраза была сказана очень громко, а во-вторых – это общеизвестный факт, – объяснился ей вослед Геннадий. – Нехорошо, товарищ Магницкий, обижать старых подружек. Между прочим, они лучшее, что выпадает пожилому человеку в сухом остатке его жизни. Кстати, жёны не подходят под определение старой подружки, жена есть жена, об этом писатель Чехов первым догадался сказать, но лишь после того, как чёрт дёрнул его жениться на старости лет.

Однако Нина передумала уходить, вернулась с глазами полными слёз.

– Какой же ты всё-таки подлец, Виктор!

– Попрошу не ругаться, девушка, в общественном месте, – нахмурился Геннадий.

Нина отмахнулась от него, как от комара.

– И после всего... всего, ты имеешь наглость заявлять мне такое?

– Кстати, в точности как моя бывшая жёнушка чешет, один в один, – воскликнул сосед, радостно удивлённый, – слово в слово, по писаному. Родная, уйдите, как человек, знающий жизнь, гарантирую: ничего хорошего сейчас из вашего разговора не выйдет.

– Подлец, – сказала Нина, – подлец и подонок!

– Ах так? – разозлился Магницкий. – заруби себе на носу: если будешь ругаться, в квартиру не возьму!

– Я так и знала! Я так и знала, что ты негодяй, каких белый свет не видывал!

Гражданская жена сделала шаг вперёд, залепила гражданскому мужу пощёчину и гордо вышла вон.

Вздыхнув с облегчением, Гена прикрыл за ней дверь:

– И ещё хорошо, что ты официально жениться не успел, как она тебе только что предлагала, и детей у вас нет, а то бы не так намучился! Эх, да что говорить!

Он искоса посмотрел на Магницкого, который, забросив руки за голову, лежал на своей тахте, уставив глаза в потолок. И разочарованно смолк. Виктор имел самый довольный вид. Он думал о Пуме. «Она придёт в пять часов. В пять. В субботу или воскресенье!»

– А ты хитрый, – Борцов достал из тумбочки батон хлеба и кусочек сливочного масла. – Я думал, ты свойский парень, но только теперь всё про тебя понял до конца. Ты хитрец. Хитрые люди пытаются добиваться целей окольными путями, но день их торжества становится одновременно и днём величайшего поражения, ведь хитрость – это извращение ума под воздействием трусости.

– Замолчи, пожалуйста, – попросил Магницкий, – не мешай человеку мечтать об идеальном жизненном устройстве.

– Посмотрите на него, ещё один Кампанелла выискался на мою голову.

10. Ку-ку!

С утра Пума осторожно, на цыпочках вошла в армовский кабинет, бросила сумочку на автоматизированный стол, включила машину и, пока та, весело мигая лампочками индикации, загружалась, подкрасила тени на глазах. Потом причесалась. Открыла тетрадку. Оглянулась на дверь. Вдохнула. Достала лак для ногтей и, подправив маленькой кисточкой безымянный палец, подула на него.

– Ку-ку! – раздалось из-за тяжёлой пыльной шторы.

Пума схватилась левой рукой за сердце, а правой метнула в штору сумочку со всеми маленькими ножничками и пилочками.

– Виктор!

Магницкий вылез в комнату, отряхиваясь от пыли, начал подбирать разлетевшиеся по округе ножички с пилочками.

– Врут электронщики, что пылесосят всюду и каждый день. Ни черта не работают, сплошные профилактики устраивают по десять часов в сутки, да спирт казённый хлещут литрами. Какое литрами – ведрами! Не зря Орало на квартальном собрании обещал их вывести на чистую воду.

– Магницкий! Русским языком тебе говорю: никогда не пугай девушку. Совсем отбился от рук! Раньше заглянешь в вашу комнату, а там уже шум стоит: товарищ Магницкий в белой рубашке при галстучке, с закатанными рукавами рвёт и мечет, рвёт и мечет, как безумный, распечатки программ. А теперь посмотришь – тишь да гладь.

Виктор приблизился вплотную, Пума встала, и они обнялись.

– Заглядывала сегодня?

– Конечно.

– Меня нет?

– Нет.

– Жалко?

– Просто ножом по сердцу, миленький. Опять кто-то шагает по коридору, если толкать вздумаешь, ради бога, не на дисковод – у меня там база данных крутится. Лучше в кресло, оно мягкое.

– В таком случае давай сядем: ты в кресло, я на стул рядом, и будем программировать что-нибудь полезное.

Они сели. Шаги стихли.

– Нет, я так не могу работать, – Пума вздохнула. – Не могу рядом с тобой работать. Не в состоянии.

– Кстати, знаешь, сегодня мне однокомнатную квартиру могут выделить. Сталинка в центре. Как раз сейчас профком решает этот вопрос – дать или не дать.

– Знаю, слышала. Дурачок ты, Витя, каких в мире нет. На профкоме решается вопрос, а он из-за шторы кукует.

– Комната большущая, потолки высокие, трёхметровые, балкончик красивый! Если дадут, давай устроим новоселье... вдвоём?

Забава вошёл и только после этого громко постучал.

– К вам можно? Разрешите беспокоить?

– Ты как всегда: ни раньше ни позже.

– Извини, Виктор, на одну минутку.

– Опять вопрос жизни и смерти?

– Нет, квартирный вопрос всех поголовно испортил. Черкизов тебя кличет, он только что вернулся с профкома.

– И как там?

– Не знаю, говорю же, зовёт. Извините, девушка, у нас очень важные дела.

Хмурясь, будто не выспался, Черкизов ходил по коридору возле стенгазеты, нервно потирая руки.

– А, молодое дарование с аллеи талантов, слушай умопомрачительную новость. Профком царственно повелел выделить однокомнатную квартиру матери-одиночке системотехнику Жанне. На днях она выписалась из трёхкомнатной квартиры своей мамы и прописалась в общежитии. Таким образом создалась ещё одна суперльготная очередь матерей-одиночек-комсомолок бесквартирных. А ты только неженатый, бездетный, хороший товарищ и комсомолец. Возражения имеются?

– Нет, возражения отсутствуют. Мать-одиночка – звание для меня в принципе недосягаемое.

– Вот именно, правильно мыслишь. К тому же вы данную однокомнатную квартиру превратите в разбойничий вертеп, пристанище разврата. Прозвучало такое мнение, крыть мне его было нечем: один шуры-муры прямо на работе разводит, другой в это время бежит в его комнату с девицей на обеденном перерыве, а люди всё видят, всё знают, и в нужный момент ставят вопрос ребром. Глубоко аморальная история. Так-то вот, товарищи комсомольцы и члены профсоюза, вам ещё работать и работать, над повышением своего нравственного уровня хотя бы...

– Хотя бы до уровня матери-одиночки. И матери её матери. Мать её!

– Точно.

– Значит, общага мне на роду по гроб жизни написана.

– А жаль всё же, – чмокнул Забава обиженно, – очень жаль. Зараза эта Вильгельмина Карловна, какую мину подложила, ай-яй-яй! Пока человек могилу её папеньке копал, глину кидал, надрывался, квартирку прямо из-под носа увела. Даже глазом моргнуть не успел! Обстрипала дельце по высшему классу! А так разобраться, семейственность она страшную развела на работе: папашу на кладбище отправила, дочку с внучкой в однокомнатную квартиру сбавила и теперь одна в трёхкомнатной выходит замуж за молоденького мальчика.

– Какого такого мальчика?

– Говорю же русским языком: молоденького. Народ всё знает, как уже отмечали вышестоящие товарищи.

– Вот мальчик её и накажет со временем за грехи по полной программе. Всем воздастся за грехи их, как вещал отец Фёдор. Тебе, Виктор, сегодня отоварка прикатила с воздаянием, кому-то потом.

– Ничего, перебьёмся, какие наши годы.

Забава похлопал его по спине.

– А отчего бы не сходить мне к Вильгельмине и не нахамить ей при всех. Просто посчитаться фактами? Зачем ждать, пока мальчик отомстит? Нашим шефом она точно никогда в жизни не станет, кишка тонка. И квартира у меня есть, чихал я на их профком, санаторных путёвок тоже не видел ни разу. О, давайте взносы платить не будем, раз они квартиру нам не дали!

– Взносы, молодой человек, автоматически из зарплаты вычитаются бухгалтерией, пора бы знать. Так что живи спокойно. Тебе, что ли, не дали?

– Да почти что мне. Моему лучшему другу! Отсутствие квартиры сродни гражданской смерти, а за смерть друзей надо активно мстить!

– Я ещё не умер.

– Беззаботный ты наш. Всё одно помрёшь, не сейчас, так позже, в каком-нибудь пригородном доме престарелых на обоссаной простынке с клеёночкой. А нянечки даже и не заметят потери, будут, кобылы дебелие, ржать в коридоре, анекдоты травить про Вовочку. Нет,

пойду поздравлю Вильгельмину с квартиркой. С трёхкомнатной, для неё одной, такой большой и умной, да мальчика ейного, молоденького.

– Идите оба работайте, – рассердился Черкизов не на шутку.

Забава подмигнул Магницкому, вздохнул и скрылся в своей комнате. Но Виктор подхватил знамя сопротивления.

– Вы, товарищ Черкизов, мне покуда не начальник, посему прошу здесь не командовать. Спина из-за вас который день ноет, ни сесть толком, ни встать, ни лечь не могу.

– Поставь горчичники на ночь.

– Горчичники. Хорошо, вам жена горчичники зався ставит, если что случись, а тут один, как перст, на белом свете горе мыкаешь, ни жены, ни детей, ни угла своего, кругом всем обделённый. Только «давай-давай, работай!» да взносы профсоюзные плати, а ещё комсомольские не забывай сдавать за три месяца вперёд, да могилы начальству копай в свободное от работы время! Хватишься – горчичник ставить некому! Ещё немного побарахтаюсь в нашем НИИ – глядь, и стакан воды никто не протянет в предсмертной горячке. Сдохну, как собака беспризорная под забором, узнаете тогда!

Он зашёл в свою комнату, быстро захлопнув дверь, чтобы Черкизов не успел ничего возразить. Пусть помучается, ему полезно. Пора понять, что партнёров по бильярду в профкоме надо грудью защищать, а не читать им после полной сдачи отходную про моральные ценности строителя коммунизма. Зоя Степановна выключала вскипевший кофейник. Магницкий быстро прошёл к распахнутому окну, упёрся руками в подоконник и посмотрел вдаль. Красиво шагая длинными ногами, уходила с работы и от него Пума. Пережить очередное несчастье за столь короткий отрезок времени оказалось невозможно физически. Он так нуждался в её участии, что, не думая о последствиях, перенёс себя на руках за окно, приземлился на газон и бросился догонять дорогуу коллегу.

Дверь в комнату отворилась, на пороге возник Черкизов с намерением дать отпор мэнэ-эсам, отбившимся от рук. В коридоре завсектором приготовил для этого несколько нужных фраз и сейчас желал продолжения дискуссии.

– Виктор, тебе кофе наливать? – спросила Зоя Степановна заботливо, но ответа не получила.

Повернулась к окну, где только что стоял Магницкий.

– Странно, а мне показалось, что Виктор вернулся.

– Нальёте – не откажусь, – задумчиво принял предложение Черкизов, – что-то голова плохо варит с утра. Знаете новость? Ведь не дали вашему Виктору квартиру. Вильгельмина Карловна применила жёсткий прессинг по всему полю.

– Ах ты, жалость какая, а мы начали сбрасываться ему на люстру. Переживает, наверное, сильно. То-то мне почудилось, будто зашёл он эдак молчком, оглядываюсь – нет никого, значит, аура его мечется по институту, места себе не находит.

– Всё может быть в этом мире, – заторможено произнёс Черкизов, подходя с чашкой к окну.

Видимая территория парка, как всегда в утренние часы, имела вид пустынный, даже кое-где заброшенный из-за скопившихся куч мусора. Завсектором зевнул, прикрывшись ладонью, отхлебнул из чашки горячий дефицитный кофе, сощурился на небеса.

– Хорошо на природе! Не то что в нашем научном гадюшнике. Садовником, что ли, пойти наняться? Иль дворником? А что? Мети да мети, и никаких тебе профсоюзных проблем...

Виктор догнал Ларису на выходе из парка.

– Привет, слышала новость? Я опять без квартиры.

– А кому дали?

– Жанне.

– А, ну да, она же одна, с ребёнком, у мамыши живёт. Бедненькая. Ей надо дать. Ты не расстраивайся, тебе потом дадут.

– Догонят и ещё дадут. Впрочем, я рад за неё.

Пума тревожно глянула по сторонам, сняла его руку со своей, слегка отстранилась.

– Увидят, кому не следует. Ты куда?

– Я? Да так, до киоска газетного иду, смотрю – ты бежишь.

– А меня на комсомольскую учёбу послали. Не расстраивайся, я к тебе в общежитие приду, как договорились, в субботу или воскресенье, в пять часов. Будешь ждать?

– Само собой. Давай провожу до курсов.

– Слишком опасно, запросто налетим на знакомых. Придётся дома с мужем объясняться.

– Можно, я просто пойду рядом? Будто нас вместе послали на учёбу? Что тут такого?

Пума, очаровательно улыбнувшись, отрицательно покачала головой.

– Слишком взрослый мужчина, чтобы посылали на комсомольскую учёбу. В принципе, такое допустимо в редких случаях, но слишком похоже на враньё. Я приду к тебе, честно, обещаю.

Однако Магницкому было невероятно трудно расстаться с ней сейчас. Ужасно не хотелось, почти так же сильно, как умирать на ранней зорьке у стенки, залитой розовым светом, когда воздух особенно свеж. Вот вечером – пожалуйста.

– А если следом пойду? Шагах в двух-трёх, будто мы незнакомы? Ну можно, миленькая?

– Зачем? Вон твой газетный киоск. Пока, миленький.

Магницкий хотел что-то ещё сказать, открыл рот, Лариса быстро отвернулась и заспешила в толпе, легко обгоняя прохожих и сохраняя при этом свою летящую грациозную походку.

Чёрный вход оказался надёжно заперт, пришлось войти в институт через вахту. Новый вахтёр с забинтованным глазом, поглядев оловянным зрачком через толстенное стекло очков, бросился искать его пропуск.

– Я помню ваш номер, – сказал он, а носом подслеповато затыкался по рядам ячеек.

– Пропуск остался у меня, я покурить выходил. Буквально на минуту.

– Извините, не углядел, – расстроился вахтёр, по лицу его пронеслась тень сомнения в собственной профпригодности.

– Да ерунда. Бегаю туда-сюда весь день, дурная голова ногам покоя не даёт.

В коридоре стояла задумчивая Жанна. Он подошёл.

– Поздравляю с отдельной квартирой. Теперь точно жди в гости, адрес можешь не говорить, у Кохмана был, так что скоро приду с конфетами и вином. Ты какое любишь больше: красное или белое, сухое или полусладкое? А то водочки трахнем на брудершафт?

Жанна не начала, как обычно, с усталой улыбкой заводить речь о витиных прибабусах. Стыдливо смотрела бедняжка в сторону и ничего не отвечала. Вот это и есть та самая кроткая умнейшая девушка, что умыкнула у него чудесную квартиру с балкончиком. Даже не верится.

– И не думай, что я какой-нибудь нахал уличный. Как положено приду, с подарочным комплектом, правда, ещё не выбрал, каким именно. Помоги, пожалуйста, определиться. Меня в конкретной ситуации весьма прельщает комплект ножей на двенадцать персон, их метать можно в именинника, фокус такой показывать на семейных днях рождений. В продаже также вилки есть и десертные ложки, а нормальных ложек нет, и чайных тоже. Я более всего чайные мельхиоровые ложечки предпочитаю дарить по доброте своей душевной, но тут придётся с ножиками заявиться, а может, ещё порыскаю по магазинам и где-нибудь вилок достану. Сядем рядком, поговорим ладком, чаю попьем с конфетками, а потом

на балкончик сходим, воздухом подышим как-нибудь вечером. Знаешь, как там здорово? Балкончик во двор зелёный выходит. Очень хорошо будет курить на том балконе тёплым летним вечером. Идиллия. Что, не куришь? Я тоже. Вот несчастье!

Он бросил взгляд на Жанну. Та страдала. Несчастливая. Чего взелся? Мать-одиночка, системотехник в драном халате, всякая сволочь проходящая норовит ухватить за ногу, эх, бедная ты моя, бедная! Магницкий ничего не мог с собой поделать, в одну секунду расчувствовавшись бездонной жалостью. Его не остановила даже Вильгельмина Карловна, опять возникшая в конце коридора чёрным призраком брючного костюма пятьдесят четвёртого размера. Жанна пригорюнилась, сгорбилась, опустила голову, и щека её оказалась близка, как никогда. Он быстро поцеловал щёчку, бедняжка даже вздрогнуть не успела, и пошёл навстречу маме Вильгельмине, нежно, сыновьи, улыбаясь. Успел различить шелест за спиной: «Опять ты, Витя...».

И тут случилось невозможное. Во-первых, Вильгельмина слегка посторонилась, давая дорогу, чего в принципе никогда не бывает – все её обходят, от мала до велика, а во-вторых, отвела в сторону твёрдый крупнозернистый гранит сердитых глаз. Вот, знает, кошка драная, чьё мясо съела. Виктор маршировал вплоть до дверей рабочей комнаты, стукнулся в них три раза лбом, спросил: «Разрешите войти?» – и вошёл. Зоя Степановна бросилась угощать его аж растворимым кофе с конфетой из личных запасов. Жалеет, что ли, тоже?

11. Японская шелкография

В половине пятого субботы Магницкий взялся за приготовление глазуньи с зелёным луком и фруктового салата. Яйца весело шкворчали на сковороде, Виктор резал груши и яблоки на салат, когда мимо дверного проёма, на котором никогда не было дверей, прошла по коридору Нина. Заметив Магницкого, отступила от моратория на общение, который сама прежде и объявила.

– Не дали квартиру? Так тебе и надо!

– Не дали, черти, буду жить в общежитии дальше, теперь уже до второго пришествия точно.

Почувствовав извинительный тон, Нина решила, что Магницкий, свалившись с мечтательных небес на общежитскую кухню, глубоко раскаивается в своём наглом поведении, ищет перемирия и даже восстановления отношений, хотя бы для начала в вопросах кулинарных. При виде холостяцкой глазуньи она сморщилась, будто надкусила лимон:

– С такой беды опять на глазунью перешёл? Господи, Виктор, сто раз тебе говорила, что вредно есть столько яиц за один присест, в них же голимый холестерин. А это что, фруктовый салат? – глаза понимающе раскрылись. – Опять девушку поджидаем? Магницкий, ты неисправим... годы бегут, а привычки остаются.

Но Виктор со своей стороны предпочёл мораторий считать полным разрывом отношений в той их части, что существуют меж мужчиной и женщиной. Таковые были обруганы Ниной принародно, он претерпел, спасибо, больше не надо. Общение же обыкновенное соседское и даже приятельское поддерживать согласен.

– Ничего не понимаешь в здоровом питании, – обернулся, продолжая крошить яблоко в миску. – Ну, вот, порезался из-за тебя!

– Это как всегда. Консервную банку открыть не можешь, не порезавшись. А теперь капаешь в салат, гляди, прямо льётся. Идём к нам, йодом обработаю и забинтую.

Вздыхнув с сожалением, Магницкий высыпал фруктовый салат в мусорное ведро.

– Благодарю покорно. Сам забинтую, если будет надо. – Подхватил сковороду, отнёс в комнату.

Прижал к пальцу кусочек газетной бумаги, вышел в коридор. Неподальку Нина встала читать книгу под неоновой лампой. Конечно, она всегда читает в коридоре, говорит, светлее, чем в комнате, но теперь это выглядит демонстрацией. Когда Пума энергично пролетала мимо, Нина на мгновение оторвала глаза от страницы, коротко в упор взглянула на радостную гостью. Таким взглядом можно уток сбивать на охоте, если ружьё дома забыл. Есть охотники? Другой раз с собой Нину берите, ладно? Чтобы не засорять водоёмы свинцовой дробью.

Но Пума – не дикая утка, и тем более не домашняя, на такие мелочи внимания не обращает, мимо пронеслась с довольным видом, вроде и не заметила обстрела.

– На вашем этаже везде пахнет глазуньей, настоящий общежитский запах, – сообщила весёлым голосом, уже войдя в комнату. И шепнула на ухо: «Женщина в халате с книжкой, случайно, не твоя гражданская жена?».

– Как догадалась?

– Взгляд чересчур серьёзный. Она не войдёт сейчас сюда?

– Думаю, нет.

– Ты ей рассказал про меня?

– Она очень чуткий человек, всё понимает. И очень тактичный. Работает на кафедре общественных наук.

Магницкий сделал шаг навстречу. Пума успокоилась щёчкой на груди.

– Я так по тебе соскучилась, прямо бегом бежала. Посижу немного и уйду. А завтра снова приду, можно?

– Ещё спрашиваешь.

– Конечно, если удастся выкроить время. Но глазунью можешь не жарить. Ах, пора топтать, не то жена ещё чего-нибудь не то решит про нас. И устроит скандал, несмотря на всю свою тактичность. Чур не провожать!

Виктор всё же вышел следом. Пума быстро удалялась по коридору. Нины на обычном месте не было. Да рано ещё ей читать, чего встала? Людей только насмешила. В воскресенье он купил бутылку сухого белого вина. Это как долгоиграющая пластинка, можно сидеть за столом долго, греть в руке бокал и пить маленькими редкими глоточками, глядя друг на друга, созерцать и ничего не говорить. Салат готовить не стал по причине не очень зажившего пальца, две порции винегрета принёс из буфета. Сегодня он был уверен на все сто, что Пума обязательно придёт, потому приложил немало усилий, дабы спровадить Борцова на свидание к его детям.

– Гена, ты отец, или... кто?

– Отец, который никому не нужен.

– Да нужен, нужен, они только вид делают, а небось с утра на часы смотрят: когда появится этот папашка?

– Думаешь?

– И думать нечего, очевидный факт. Вот вырастут, тогда точно нужен не будешь, а сейчас, с тортом – да за милую душу.

Тихо матерясь у зеркала, Гена завязал галстук и ушёл на свидание с детьми при полном параде. Смешной Борцов. Вечером опять будет проклинать самый чёрный день в его жизни, когда он, как дурак, расписался в загсе, ни о чём ужасном даже не подозревая. Ладно, пусть покричит, но желательно не ранее семи часов. На этот раз Пума припозднилась, явившись в половине шестого, доведя тем самым Виктора до белого каления.

Точнее сказать, ворвалась в комнату, дверь в которую была оставлена полуоткрытой, сделала удивлёнными огромные глаза:

– Магницкий! Ты почему до сих пор не в постели?

– Что? – Виктор глянул на бутылку сухого и две сиротливые жестяные тарелочки из фольги с винегретом, которые непринуждённо ожидали своего часа в компании со сверкающими на солнце солидными дяньками-бокалами.

Такого начала он не предполагал, и, хоть был довольно взрослым человеком, слегка растерялся, но успел одним движением сдёрнуть с тахты покрывало. Взирая расширенными зрачками, Пума так же стремительно сбросила через голову, отшвырнула в сторону платье. Выжидательно смотрела, покачиваясь на высоких каблуках босоножек. Блиц-партия молниеносных поочерёдных ходов была разыграна в полминуты, следом наступил получасовой провал памяти, сопровождаемый лишь странным шипением и мельканием сумасшедших красных пятен перед глазами.

Взалав жаждой полуденной пустыни, Магницкий вскочил, схватил со стола приготовленную бутылку сухого вина, которое, казалось бы, можно было пить бесконечно долго, весь вечер и всю ночь, смакуя маленькими глоточками, подолгу глядя друг на друга, закинул голову и вылил в себя половину освежающе холодной жидкости, не чувствуя никакого вкуса, а лишь одну прохладу, которая заструилась по шее и груди.

Слева что-то зашипело, с удивлением увидел собственную руку, порезанную вчера, из которой теперь с тем самым странным шипением, в такт ударам сердца, прыскала кровь. Подушка, плечо, грудь Ларисы были усыпаны красными лепестками размером с двухкопеечную монету, столь удивительно изящными по форме, что казалось, будто их специально долго и аккуратно рисовал тончайшей кисточкой некий искусный японский живопи-

сец, посвятив изображению лепестков на нежнейшем шелке тела все бесконечное время жизни, и вкладывая в рисование каждого отдельного иероглифа сакральный смысл, абсолютно недоступный пониманию западного человека. Однако же то, что смысл тайно присутствует, было отчетливо ясно и этому человеку. Она манила его к себе пальчиком.

В дверь грозно застучали. Кому-кому, а Магницкому хорошо известен этот стук Гены Борцова, вернувшегося не в настроении после посещения своей семьи, неумолимый, словно приговор ревтрибунала.

– К сожалению, сосед пришёл, – заворожённо глядя на красные лепестки неизвестного цветка, произнёс он.

– Не открывай, пока не оденусь!

Как всегда в подобных случаях, с одеванием не слишком получалось, прошло две минуты, и Борцов педантично доложил ещё раз чётким оловянным солдатиком.

– Минуточку ждём, – предупредил Виктор.

– Магницкий, это я, – подал голос Борцов, – отворяй давай.

– Не ори, Гена, успеешь.

– Магницкий, ты обнаглел вконец, – воскликнул сосед, уже врываясь в жилое помещение, и сразу бегом-бегом к своей драгоценной тахте – проверять. – Бордель тут развёл!

Пума выскочила в коридор, Виктор за ней. Заметив, что он не отстаёт, Лариса бросила откровенно сердитый взгляд и ускорила ещё более.

Даже сзади на открытом плече виднелись красные революционные лепестки.

– погоди, куда вчистила?

– У тебя отвратительно довольный вид, – произнесла сквозь зубы с обидой, – из которого всем вокруг делается ясно, что только что переспал со мной и очень гордишься этим.

– Заблуждаешься, вид нормальный. А у тебя – вон, посмотри...

– И наставил вдобавок автографов, чтобы никто не сомневался.

Расстались молча. Вытерев автографы платочком, Пума пошла к остановке, он зачем-то тянулся следом, старательно не глядя в её сторону. Долго стояли в разных местах. Автобуса не было. Магницкий начал медленно приближаться, но когда оказался почти рядом, как бы случайно, а не специально, Лариса остановила такси, прыгнула на переднее сиденье и быстро уехала, даже не взглянув на прощание из-за стекла. В это последнее мгновение он заметил на мочке её уха, рядом с серёжкой, свою кровную метку, махнул рукой огорчённо, после чего вернулся к Борцову очень сердитым.

12. Розы для Любы

На следующее утро получилось так, что, не сговариваясь, они одновременно открыли двери своих комнат и вышли по делам с бумагами в коридор, который оказался пустынен, свет не горел в связи с кампанией борьбы за экономию электроэнергии на производстве. Две тёмные шеренги дверей говорили об опасности: каждая в любое мгновение могла открыться. Но это не помешало броситься навстречу друг к другу и прижаться, держа руки отстранёнными, что со стороны бы казалось несколько смешным.

– Миленький, выдержишь без меня три дня?

– Куда-то едешь?

– Нет. Ложусь на обследование в больницу.

– Что-то серьёзное?

– Да нет, не смертельно.

– А всё-таки?

– Что, насторожился? Не беспокойся, инфекции никакой нет. Даже если бы и была, тебе уж точно никак не передалась: обычная проверка на бесплодие. Семейство разочаровано итогами первого года совместной жизни, вот и решили обследовать да в случае чего наказать.

Лариса приснула таким жизнерадостным смехом, что Виктор вздохнул с облегчением: на заболевшую миленькая совсем не похожа.

– А можно прийти навестить?

– С ума сошёл?

– Просто махну рукой и уйду.

– Да? Ну, хорошо, только в регистратуру не вздумай обращаться с передачей. Утром не приходи, в обед тоже, а главное – после шести ни-ни, в это время приёмный час начнётся. Давай сделаем так. Придёшь к пяти часам, я окно открою и буду сидеть на подоконнике. Помашем друг другу ручками.

– Хорошо, приду.

– Буду ждать тебя, миленький.

Время назначенной встречи предполагало, что надо сорваться с работы пораньше, часа этак в четыре. Виктор купил букет белых роз и, несколько смущённый их чрезмерным великолепием на фоне собственной заурядной внешности, поспешил на первое свидание с миленькой. Медсанчасть состояла из трёх пятиэтажных зданий, разбросанных по озеленённой кустиками сирени территории, огороженной невысокой оградой, выкрашенной светло-голубой дешёвой краской. «Точно оградка при могилке, только очень длинная», – подумалось Магницкому. Вход на территорию свободный. По асфальтовым дорожкам, сквозь которые местами пробивалась травка, а кое-где и кустики, мирно бродили больные в мятых пижамах цвета хаки не по размеру, подставляя солнцу блаженные физиономии.

У приёмного покоя толклись посетители, желавшие передать свои сетки с яблочным пюре в неурочное время. Они кидались навстречу каждому больному, возвращавшемуся с прогулки. Виктор начал обход вокруг главного корпуса, разглядывая окна, в которых мелькали женские головы, обошёл его со всех сторон, затем два других, сходил даже к двухэтажному пищеблоку (чем чёрт не шутит, вдруг и здесь какое отделение расположено?), но Пумы нигде не обнаружил.

Она не сидела ни на одном из подоконников. Не высовывалась ни из одного окна и даже не мелькала за стеклом. Магницкий сделал второй круг, за время которого пришёл к выводу, что число открытых окон резко увеличилось и количество женских голов в них тоже. Что тому виной – приближение приёмного часа или белый букет роз – неизвестно.

– Мужчина, вам кого позвать? – спросили со второго этажа.

– Молодой человек, какую палату надо? – крикнули с третьего.

Но Виктор молчал, оберегая инкогнито, и сделал дополнительно третий круг почёта. В шесть часов почти все окна распахнулись. Под ними сосредоточились толпы посетителей, кричащих кто во что горазд. Только Пумы нигде так и не видно. С роскошным букетом роз в этой толпе Виктор чувствовал себя человеком не от мира сего, и вдруг мелькнула догадка. Ясно, как белый день: Пума его разыграла. Не лежит она ни в какой больнице, просто взяла отгулы и отдыхает на даче, или в городском саду на каруселях катается.

– Не буду я никому ничего передавать, через приёмное отделение передавайте, – по тропинке пробегала медсестра, отбиваясь на ходу от посетителя, – раз не положены больному ваши котлеты, значит, не положены.

– Девушка! – воскликнул, озаряясь радостью, Магницкий, – наконец-то я вас нашёл, милая вы моя! Уже шестнадцатый день ищу, и наконец-то! Возьмите цветы, пожалуйста. Это вам.

– От кого?

– От меня.

Сестра посмотрела на букет и остановилась.

– Кому-то хотите передать?

– Нет, исключительно для вас.

– Что-то не припоминаю, в каком отделении лежали?

– Вы меня не знаете, да и я вас видел однажды утром, в трамвае, две недели назад. На этой остановке сошли. Представьте себе, уже две недели в свободное от работы время разыскиваю с цветами. Каждый день с новым букетом. Наконец нашёл, слава тебе, господи! Возьмите, пожалуйста, не то разорюсь подчистую.

Медсестра неуверенно улыбнулась, опустила глаза. Посторонний гражданин, до того самым бессовестным образом пытавшийся навесить ей на руку пакет с домашними котлетами, мгновенно устыдившись, направился передавать принесённое через окошечко в установленном порядке.

– Вам, наверное, от меня что-то надо, – предположила она, – хотите узнать о своих знакомых или родственниках? Номер палаты неизвестен? Скажите фамилию, я помогу найти без всяких цветов, а передачи проносить не имею права.

– Ничего не надо, абсолютно. Честно-честно, – в кои-то веки не врал Магницкий. – Кроме вашего имени, честное слово, больше ничегошеньки. Назовитесь, и тотчас исчезну, растаю, как утренний туман, даже помнить забудете.

Медсестра призадумалась, стоит ли называться, но Виктор уже сунул ей в руки букет.

– Или хотите, чтобы остался навсегда?

– Пожалуйста. Любовь.

– Огромное спасибо. До свидания.

Удачно избавившись от роз, со всех ног кинулся по бугристой дорожке к окрашенным в голубой цвет распахнутым воротцам, сваренным из труб. Вот если бы узнала каким-то образом Нина о его сегодняшнем походе, необыкновенно долго смеялась и в назидание обязательно придумала прозвище пообидней. Но что прикажете делать с колючими розами в общественном транспорте в час пик? Не засовывать же их в куст сирени? Кстати, Нина довольно часто по жизни бывает права. Житейской мудрости у неё не отнять. Если хорошенько сесть да вспомнить, то окажется, что права она бывает практически всегда.

13. Давай убежим сейчас?

Виктор чертовски разозлился на Пуму, однако при встрече решил вида не показывать и даже не напоминать. Как будто ничего не случилось. Пусть только скорее в укромном уголке примостит свою румяную щёчку у него на груди. Даже словом не помянет, будто и не ходил никуда. Скорее всего, забыла, или нельзя было открыть окно. Мало ли какие в отделении порядки? Да не могла Пума взять и просто надуть его из чисто спортивного интереса. Или всё-таки надула?

В начале обеденного перерыва Магницкий сбегал на шестой этаж занять очередь на бильярд, после чего помчался в кафе-беляшную. Увидел в хвосте очереди Пуму, но даже не вздрогнул, она стояла с комсоргом Милой, просто кивнул, прошёл к Забаве, который уже лазил по карманам в поисках денег. Возле них очутилась Мила.

– Что как не свои, мальчики? Купите нам четыре беляша и два стакана какао, мы пока столик забьём.

– Только не до смерти, – согласился Забава. – Он нам в стоячем положении ещё не раз пригодится. Не последний день живём, девушки!

Борис расплачивался, Виктор носил тарелки и стаканы к высокому столику с мини-атюрной круглой мраморной столешницей, за которым они еле разместились вчетвером – стоя. Очутившись рядом, почувствовал намеренное касание локтя Пумы и руку не убрал, но подумал сердито: «Ишь, надула, как резиновый шарик, теперь по новой начинает фокусничать».

Забаву первый разделался с беляшами, вытерев салфеткой пальцы, скомкал её в тарелку.

– Ну, я готов к труду и обороне. Идём, Витёк, сыграем партию. Чувствую, сегодня насухо тебя обставлю. На что спорим?

Пума снова коснулась локтем, загадочно улыбаясь.

– Эх, Забава, вот я бы тебе рога враз обломала. От борта в среднюю лузу, – сказала Мила, отставляя стакан в сторону. – Витёк, будь другом, уступи партию девушке.

– Играйте, – легко согласился Магницкий, – из комсомольского возраста я выпал, из молодых специалистов тоже попросили перейти в пожилые. Мне теперь нельзя торопиться, надо тщательно пережёвывать горячую пищу.

Когда комсомольцы убрались на свой бильярд, они с Пумой, не тратя время понапрасну, очутились в армовской комнате, недовольно разглядывая друг друга.

– Что показало медицинское обследование? – чрезмерно вежливо поинтересовался Магницкий, окончательно утверждаясь в мысли, что ни в какой больнице Лариса не лежала. Уж слишком чудесно выглядит.

– О, многое...

– И что конкретно?

– Конкретно мог бы и не обещать, что придёшь, никто за язык не тянул, я бы пережила.

– Я приходил, между прочим, как дурак, с букетом цветов. Бегал искал твоё раскрытое окно, где ты сидишь на подоконнике и ждёшь меня.

– Это я, как дура, три часа жарилась на подоконнике, а ты не пришёл.

– Пришёл, тебя не было!

– Я ждала, ты обманул.

– Неправда, как дебильный, носился с цветочками вокруг всех трёх корпусов, круги давал. Из окошек кричат: «Мужчина с букетом, вам кого нужно?». А мужчина назвать фамилию права не имеет, головы не поворачивает – глухонемым притворяется.

– Зато сейчас можешь говорить, что душевненько угодно. Всё равно никто не поверит.

– Да уж.

Оба замолчали. Пума с деловитым видом уселась на рабочее место программиста, занялась отладкой. Магницкий ощутил себя посторонним человеком, однако никак не мог уйти. Стоял, засунув руки в карманы с хмурым видом, смотрел в экран, на скачущие зелёные цифры, похожие на танцующих чёртиков. Вдруг Пума взглянула исподлобья, весело и хитро, вскочила, прыгнула, обвив шею руками.

– Миленький, соскучилась! Давай убежим сейчас?

– Давай.

– Поехали, миленький, ко мне. Хочешь?

– К тебе? Хочу! Куда?

– К маме. Не беспокойся, она на работе. Только чур, в троллейбусе заходи в задние двери, я в передние, и выйдем потом каждый в свои. Договорились? Не обижайся, представь себе, что мы советские разведчики, и нам жизненно необходимо соблюдать правила конспирации, иначе провал.

– Я пойду сзади в четырёх шагах, а если тебя остановит кто-то знакомый, начну читать газету.

– Какую газету?

– Воображаемую.

Согласно правилам конспирации, Пума уселась на высокое переднее сидение троллейбуса и отвернулась к окну, а Магницкий встал на задней площадке, и смотрел неотрывно на неё, что вполне естественно и правилами конспирации не возбранялось. Пума зашла в подъезд дома, начала подниматься по лестнице. Согласно тем же неписаным правилам, он следовал сзади, не отставая и не догоняя. Открыв дверь ключом, она быстро исчезла внутри квартиры. Выждав пару минут, Виктор вошёл следом, огляделся по сторонам, закрыл за собой дверь.

– Отличная квартирка, хотелось бы иметь такую на старости лет. Трёхкомнатная?

– Трёхкомнатная. Проходи в спальню, – отозвалась она откуда-то.

В центре спальни располагалась семейная кровать размером два на два, было много зеркал и живых цветов в самых разнообразных вазах и вазочках. Несколько кустистых растений произрастали из больших керамических ваз, стоящих прямо на полу. Что-то вроде небольшого зимнего садика. Из душа выскочила Пума в цветном коротеньком халатике, бросилась к нему навстречу, не дойдя шага, распахнула халат, предлагая восхититься обнажённым телом, танцующим шагом упорхнула к мебельной стенке, из которой достала простыню, взмахнув ею, опустила парашютом на кровать. Парашют лёг неровно, Пума принялась расправлять.

Не выдержав испытания на хладнокровие, агент Магницкий схватил противника за талию, с размаху бросив поверх простыни, и сразу оказался рядом. Пума быстро перевернулась, встретив бесстрашным взглядом:

– Знаешь, что будем сейчас делать, родненький?

– Даже не догадываюсь.

– Ребёнка.

Через какое-то время возникло неприятное ощущение, что на них смотрят. Будто все члены неведомого семейства, включая мужа и свекровь выстроились вокруг кровати, на которой в пылу страсти происходило лечение от бесплодия. «Это из-за зеркал, – подумал он, – хорошо, хоть на потолке нет». «Сладко, сладко, миленький», – закрыв глаза, шептала Пума.

Вот опять она что-то говорит. А ничего не слышно, будто уши заложило.

– Что?

– Знаешь, сколько времени прошло?

– Времени? Сколько?

– Два часа. Кто угодно может прийти в любую минуту, если уже не пришли, а мы тут с тобой...

Где-то посреди лестничной площадки Магницкий ощутил прощальный толчок кулаком в спину – вместо поцелуя.

14. Адский перцовочный огонь

С утра по радио передали грозу. Было жарко, душно, горячие улицы пахли расплавленным битумом. Возле жёлтых бочек за квасом вытянулись длинные очереди. Небо выгорело рубахой на спине кровельщика. В обед с запада выползли кучевые сине-чёрные тучи, скоро нагромоздив до самого солнца огромные рыцарские замки. Часа два грохотало совсем близко, но всухую. Ливень рухнул на город ближе к вечеру.

Магницкий ехал в троллейбусе, когда по стеклу ударили первые тяжёлые капли, а потом хлынули потоки, сквозь которые было видно, как в момент обезлюдел центральный проспект. Хлестал дождь славно, от души, крыша троллейбуса гремела барабаном. По тротуарам и дороге разлились широкие лавы, а странная парочка выскочила из ресторана «Чайная», и, взявшись за руки, кружилась под ливнем. Даже сквозь залитое стекло видно, что покатываются со смеху. Только непонятно, с чего так пьяны уже в самом начале ресторанной поры, возможно, даже и от счастья.

Парень, очень высокий, здоровенный, в белом костюме, с копной рыжих волос, не смачиваемых, как шкура бобра, ещё имел на большом красном лице недоумение, вроде бы сомневался, стоит ли прыгать да веселиться под таким дождем, но неумолимая Пума хохотала широко открытым ртом и, крича что-то всему белому свету, тащила его за собой. Увидев троллейбус, бросились вдогонку, запрыгнули вместе в последние двери без всякой конспирации, покатываясь со смеху.

Магницкий сидел уткнувшись в стекло, изо всех сил пытаясь остаться незамеченным. Прочие пассажиры также не оборачивались. Даже кондукторша не пошла проверять проездные билеты. Да нет у них никаких билетов, а всё равно не пошла, усмехнулась и отвернулась к окну.

Как только на следующей остановке троллейбус открыл двери, он быстро вскочил и, горбясь, бросился под ливень, который шумел непроглядной серой стеной.

Даже на пятом этаже, у двери в комнату, с него текло на пол как с бродячей собаки.

– Гена, стопка коньячка, случаем, не завалялась?

– От коньяка одна философия и никакого согрева. У меня перцовка имеется. Эта вещь как раз по теме, от простуды помогает в девяносто девяти случаях из ста. Дерябни грамм пятьдесят и сразу падай спать. Утром не чихнёшь. Старинный рецепт.

Магницкий переоделся в сухое, дерябнули на пару с Борцовым.

– Слушай, у твоей бывшей жены друг есть?

– Есть. Чрезмерно меня ненавидит, значит, есть.

– А может, сильно разозлил?

– Нет, слишком ярится, запасных путей не оставляет, все мосты жжёт напропалую. При двух детях одинокая женщина так себя не ведёт, факт.

– Почему тогда замуж не выходит?

– По-видимому, женатый человек попался, но ей с ним в любви веселей жить, чем со мной по закону.

– А чего не захотела с тобой как с мужем и ещё с ним потихоньку, по любви? Традиционная схема.

– Это ты у неё спроси. Ага, сходи и узнай, – Гена явно вообразил развитие последующих событий, хохотнул. – Полагаю, до поры до времени так дело и шло, потом не захотелось ей потихоньку, размечталась на полную катушку оторваться, она у меня эмоциональная женщина, да к тому же однолюбка. С коллегой по работе схлестнулась, не иначе. Был у неё как-то на службе, представь себе, не узнал собственную жёнушку: очень милая, приятная такая,

добрая, прямо лучится вся как раньше, в первый период нашей совместной жизни. А для меня дома каменюка холодная, катит и катит, душит и душит. Пока не выгнала – не успокоилась.

– Да, серьёзная женщина.

– Стерва обыкновенная. И, знаешь, хорошо, что однолюбка. Честнее, во всяком случае. Гораздо хуже вариант, когда твоя собственная жена любит всех подряд, тебя ночью – раз, в обеденный перерыв начальника своего – два, а вечером друга милого – три, есть ведь и такие особы. У них процесс распараллелен во времени. Загадочное природное явление: вот видит она перед собой мужчину – и любит его, прямо в обморок падает от любви, видит другого – и тут же его любит, буквально через секунду, стоит взгляд перевести.

Уникальные существа и очень плодотворные. Столько их в последнее время развелось в нашей фауне – страшно делается. Поэтому к данному моменту можно сделать вывод, что крупно мне повезло, Витя, в семейной жизни. Чего-то ты совсем скис, ложись, поспи, утро вечера мудреней.

Он сходил, вымыл стаканы да залёг в постель с закрытыми глазами думать о жизни. От перцовки сделалось горячо, сон не шёл.

Закрытыми глазами смотрел на собственную жизнь, и то, что прежде выглядело чрезвычайно привлекательным, радостным, как в детстве воскресный горсад с музыкой, пирожками и аттракционами, стало похожим на болотистую кочковатую равнину с чахлыми кривыми деревцами, гнилой тёмной водой, затянутую седым туманом. Путь здесь неверен. То есть будучи счастливым он как бы ни на что не обращал внимания, а ныне, после грозы, глянул на происходящее со стороны и ужаснулся.

При помощи постороннего, случайного блондина не Пуму, но совсем чужую женщину наблюдает он рядом с собой, чужую мужнюю жену, забраться в постель которой счёл высшей жизненной удачей. Но почему раньше не задумывался, ведь муж был и прежде, нет, лишь после танцующего блондина сделалось дурно, а до того всё замечательно, прекрасно, волнующе, романтично!

Чертовски неприятная история. Почти так же ему плохо, как если бы был он тем самым мужем и узнал о наличии Виктора Магницкого, к примеру. И даже хуже. Потому что, в отличие от мужа, и претензии предъявить некому – ведь когда был вторым, то любил, мечтал, бегал-прыгал, скакал со второго этажа, радовался жизни, а стоило узнать про третьего, тут же страшным образом расстроился.

Чувство испортилось? Любовь пропала? Возникли разом негодование и злость по поводу выдуманного абстрактного философского закона, что количество, увеличиваясь, переходит в новое качество? Значит, он, Магницкий, её обнимал на работе, потом дома муж довольный обнимал, и ещё в чайной блондин тоже присоседился обниматься, чтобы всем было хорошо. Во как! Но почему так плохо?

Адский перцовочный огонь охватил со всех сторон на родной постели, не дожидаясь окончания жизни, похорон и девятого дня – и ничего не поделать, пришлось жариться, вращаясь утлым телом туда-сюда на койко-месте, словно на вертеле, пытаюсь найти положение, при котором не слышно будет ужасных многочисленных вопросов, вполне, впрочем, обыкновенных, но которые человек почему-то начинает задавать себе, дерябнув грамм двести, после того, как увидит нечто обескураживающее и сильно вымокнет под дождём.

15. Возьми меня замуж, миленький

Утром действительно не чихнул, не кашлянул, встал да побежал на работу. На работе – полный завал! Пришла пора сдавать квартальный отчёт, а писать нечего: везде одни хвосты, недоделки, за всё хватался раб божий и ничего до ума не довёл. Кинулся к Жанне, проситься, чтобы его программы запустила вне очереди, хотя бы в фоновом режиме. Конечно, другие при этом будут считаться медленнее, но ничего, потерпят, ибо не бывает всем хорошо одновременно. И не должно быть. Жанна развела руками:

– У нас профилактика до двенадцати.

Даже не покраснела. Наглеет народ. Магницкий не вытерпел, рассердился:

– Экие вы разгильдяи! И электронщики, и системщики вкупе: то у вас машина совсем не работает, то профилактика наступает. В день пять минут дадут с барского плеча – и делай работу как знаешь! Нет, тунеядцы вы бессовестные, вот что я вам скажу, дорогие товарищи!

Жанна густо покраснела за электронщиков и системщиков, оглянулась по сторонам, как показалось Магницкому, в поисках защиты, вроде пристал он к девушке в неосвещённом месте с ножом к горлу, требуя отдать из сумочки ужасно дефицитную помаду и пудреницу. А нежная Жанна всё-таки натура, не в маму пошла, попробуйте нечто подобное высказать, пусть даже в сердцах, главной системщице Артамоновой. Да она орать будет в бога-душумать часа два без перерыва, пока три шкуры не облезет со всего научного коллектива. Пока не разбежится народишко по кабинетикам, на ключ в них не запрётся. А в пустых коридорах ещё долго будет гулять артамоновская хрипотца: «Клевреты! Пособники! Не знают, как дорожка на цилиндре устроена, а туда же, в кандидаты наук лезут! Только через ваш труп!».

Магницкий тоже оглянулся, ища, к кому начнёт взывать его невинно покрасневшая жертва. Электронщики обрабатывали спиртом дисководы, и лица у них были, как у жрецов в минуту священнодействия, когда свежей кровью добычи те смазывали каменные губы своим божкам. Их собственные губы при этом довольно причмокивали, а глаза блестели – явно вдарили по маленькой, прохиндеи, не дожидаясь обеда. Виктор понял, что защита будет круче сицилианской, потому срочно принялся давить на женское чувство жалости к братьям меньшим.

– Ну что за жизнь! – воскликнул он, посылая взор небу, состоящему на данный момент из белого негорючего пластика вперемешку с неоновыми лампами, – работа собачья, за сто тридцать рублей в месяц, ещё бесплатно в заочной аспирантуре паришься, как последний идиот, статьи пишешь для кандидатов наук, чтобы они в доктора вышли, а у самого ни квартиры, ни жены, ни ребёнка, ни времени машинного, чёрт бы его подрал! Полный аллес!

Жанна дрогнула на квартиру.

– Ладно, включу на двадцать минут один диск операционный. Все разделы твои, пользуйся.

– На старости лет, дорогая Жанночка, буду в церковь ходить ежедневно и за твоё здравие молитву заказывать.

– Не доживу я до того времени.

– Тогда за упокой. Душа знаешь как возрадуется на том свете? Ой-ёй-ёй!

К главному пульту подошёл весёлый спец по дисковым Котомкин, от которого мягко веяло коктейлем из разведённого спирта с долькой солёного огурца. Он свернул пустой полиэтиленовый пакет от закуски, бросил в мусорную корзину под столом системотехника и важно отёр маленькие усики.

– Э, вы чего? Запускаетесь, что ли, уже? Мы-то ещё того... ни в одном глазу, ещё работать и работать надясь.

– Срочный счёт для Орала принесли, – отрезала Жанна в стиле Вильгельмины Карловны.

Магницкий аж вздрогнул, так схожи были интонации. Впрочем, удивляться нечему, как-никак родственники.

– Ё-ка-лэ-мэ-нэ, – протянул Котомкин, – ладно, перекурим тогда. Товарища Оралу не переорёшь, а плетью обуха тоже не перешибёшь. Мужики, перекур!

Сорок минут единоличного властвования над всей институтской ЭВМ принесли невиданные плоды, собрав которые, Виктор к вечеру успешно разделался и с квартальным отчётом по текущей, но никуда не утекающей работе, и полугодовым по аспирантуре. Если квартальный отчёт пошёл на ура даже без трёх минут пять последнего денька, то научный шеф, принимая толстую папку, полную вдохновенных дум, отчего-то начал морщиться.

– Чем, Андрей Палыч, не угодил? Ежели размеры не удовлетворяют, то я там кроме результатов ещё и перспективы дальнейшие наметил. Горизонты, так сказать, изобразил. Их можно не читать. И даже не листать.

– Ладно, чего там, – грубовато-отечески выразился руководитель, почесав лысую голову, обзываемую репой, – сойдёт на худой конец.

– Почему на худой? Недавно блестящим достижением называли.

– О перспективах забудь, повторяю по слогам: на нижнем институтском уровне сойдёт. Потому что все знают – наша работа. А в качестве кандидатской диссертации рассматриваться не может, ибо в природе существует монография с аналогичными результатами. Понятно? Надо срочно менять тему. Подумай над этим недельку и доложишь. Я тоже буду репу чесать, – он наглядно принялся массажировать толстую кожу на голове, гоняя её толстыми складками ото лба на затылок.

Кожа натужно скрипела под сильными пальцами шефа.

– А что, Андрей Палыч, – задумчиво следя за этими усилиями, произнёс бесстрастно Магницкий, – хорошо бы взять товарища Киселя за грудки и придушить слегка? Чтёб не воровал чужие мысли на халяву?

– Дурак ты, Виктор, и не лечишься. Да он с его-то блатом, а теперь и званиями и лауреатствами в придачу, знаешь какой бюджет для нашего института вышибет? Нам и не снилось. Уже парочку новейших американских компьютеров пообещал в отдел, настольных. На один стол помещаются, а памяти – как во всём нашем машинном зале, понял?

– Понял. Только вот знаю точно: коммунизма на воровстве не построить. Мне это один старший товарищ популярно объяснил на живом примере, когда уму-разуму учил.

Андрей Палыч перестал чесать репу.

– Ты что, Виктор, собираешься коммунизм строить, как Хрущёв к 80-му году? Так проехали дату, опоздал. И вот ещё что: пришлось твою работу с конкурса молодых учёных тоже того... отозвать. Сам понимаешь – нехорошо, могут в плагиате обвинить, зачем нам лишний шум на ровном месте поднимать?

– Понятненько.

– Думай, Магницкий, думай. Срочно чеши репу, Виктор, насчёт новой тематики.

– Будем чесать, Андрей Палыч.

– Вот и умница!

В состоянии полной отрешённости скитался Магницкий по коридору. Новая тема на последнем году аспирантуры. Легко сказать. Куда теперь податься? На какую сторону? От дурных мыслей отвлёт Забава.

– У тебя с квартальным отчётом как дела?

– Нормально.

– А у меня труба из-за этих девиц, чёрт бы их побрал!

– Да? – иронически вздёрнул бровь Магницкий, – это ещё что за новая болезнь объявилась? Рассказывай, делись опытом с подрастающим поколением.

– Не в том смысле. Девчонки неправильно программируют мои идеи. У них, понимаешь ли, головы не так устроены, как у нас. Говоришь им, говоришь, объясняешь полдня алгоритм до хрипоты, а они назавтра приносят тебе в распечатке такую офиговенную фигню, что хоть бери и вешайся. Эх, надо было мне тоже программирование толком освоить в своё время. Вон у тебя, как я смотрю, никаких проблем: надо – раз-два и на машину бегом, сунул Жанке конфетку в карман, и без всякой очереди прокрутил идею за десять минут на соответствие объективной реальности. Ни от кого не зависишь, счастливчик!

– Начни программировать хоть сегодня, кто мешает? Не боги фортран придумали.

– Начни, начни, а где время взять на освоение? Отчёт позавчера надо было сдать. Нет, замучился я с этими девицами, погубят они меня. Вот сегодня сон приснился. Рассказать?

– Благолепный хоть? Или опять?

– Опять. Приснилось, представь себе, что лечу я голеньким ребёнком в колыбели, которая состоит из живых женских рук. Будто они меня держат на весу и несут куда-то вверх, и вокруг руки, руки, даже не колыбель вовсе, а гнездо уютное такое из рук женских сплетённое, а руки те колышутся надо мной, трогают, гладят и ласкают, а сами, знай, поднимаются ближе к солнышку. М-да... Необыкновенно нежные, до плеч оголённые, розовые, невинные, а я их всё равно узнаю – вон Милы ладошка прикоснулась, вон операторши Любочки, у неё такая ямочка у локтя делается при сгибе, чувства при этом самые что ни на есть приятные...

– Вильгельмины Карловны не было?

– Что? А, нет.

– Крупно повезло, иначе бы с дефектом проснулся.

– Да, и вот представь себе, разве можно, находясь в таком приподнятом настроении, сидеть за столом и писать квартальный отчёт? Я теперь хожу по институту дурак дураком, у женщин руки разглядываю и вспоминаю: были они во сне или нет. Ах, как они меня несли, как несли куда-то... Пойдём, хватанём газировки по стакашку?

– Иди, Бориска, мне надо переговорить с одним человеком.

На выходе за вертушкой стояла Пума с сумочкой, вопросительно кося в сторону Магницкого.

– Где пропадал весь день, миленький? – спросила, не обращая внимания на Забаву.

– Работал, трудился над отчётностью.

– Смеёшься?

– Какой смех, еле уложился в срок.

– Чего сердитый? – прошептала Пума, беря за руку и метя уложить голову на грудь.

В этот раз чувствовался небольшой, но вполне ощутимый вес ларискиных извилин. Чуть не задохнулся от возмущения, вспомнив её вчерашнее мокрое лицо. Какого чёрта?

– Видимо, придётся тему диссертационную менять на полном скаку. Кстати, твой муж блондин или брюнет?

Пума резко отняла голову.

– А что это вдруг? Ну, брюнет. Ты разве его не видел? Одно время встречал меня здесь чуть не каждый день.

– Видел тебя в воскресенье у «Чайной». Вы с каким-то долговязым блондином танцевали под проливным дождём, выглядя при этом весьма довольными, будто всё съели-выпили, и в довершение смылись через чёрный ход, не заплатив.

– Ошибаешься, – Лариса помедлила, отведя глаза в сторону, будто припоминая, – не танцевала я ни с кем ни у какой чайной.

– А потом вчистили за троллейбусом до остановки, будто из «Чайной» за вами погнались, и бег ваш тоже был сродни танцу. Лично я завидовал.

Магницкий неотрывно смотрел на Пуму. По его логике, она должна сейчас предъявить алиби, где была и что делала в воскресенье, например, ходила с мужем в кино. К мужу он претензий не имел до недавнего времени, только к долговязому блондину, с которым Лариса выглядела намного счастливей, чем с ним, Виктором Магницким.

Однако Пума оправдываться не желала:

– Ошибаешься, ничего такого в помине не было.

– Ладно, проехали, – согласился Магницкий, – извини, мне пора.

И вышел из института. Пума семенила рядом, и это было удивительно, ведь прежде на улице она не любила ходить парочкой, тем более в центре, где пруд пруди всяческих знакомых мужа и свекрови. А тут идёт, смотрит на полном серьёзе и говорит:

– Возьми меня замуж, миленький.

– Ты вроде бы замужем у нас.

– Я разведусь, миленький. Возьмёшь?

Странно. Уж точно не видел её столь умоляющей просительницей. Будто не Пума вовсе. Да и не Лариска, та ничего тоже не просит, а эта просто умоляет подобрать её, иначе вот-вот затопчут.

– А вдруг потом брошу?

– Муж обратно примет, он любит.

– А ты?

– Я тебя люблю, миленький.

Магницкий укоризненно посмотрел мимо. Зачем сейчас-то? Счастливая парочка танцует под дождём, ничем её не остановить. Бесполезно.

– Знаешь, пожалуй, нет, не возьму. Извини, не могу, от природы очень впечатлительный.

Отнял руку и быстрым, ускоряющимся шагом побежал вперёд, куда глаза глядят.

Через две недели Пума неожиданно для всех уволилась из института по собственному желанию.

Только через полгода, когда Магницкий сам ушёл из науки на производство, где обещали дать квартиру, однажды, пребывая в каком-то безнадёжном состоянии, рискнул позвонить с уличного автомата к ней домой. Трубку взял мужчина.

– Позовите, пожалуйста, Ларису.

– Она здесь не живёт, – сказал голос, как показалось Виктору, обиженным тоном, причём на него, Виктора, обиженным, вроде он в том виноват, – и вообще давно уехала из города.

Раздались гудки.

«А где живёт?» – спросил себя Магницкий, прекрасно, впрочем, понимая, что существуют на свете вопросы, на которые не стоит искать ответы. Зачем звонил – сам не знает. Ну, подошла бы, сказала своим удивительным голосом: «Ал-ллё», – о чём говорить? Ауф-видерзейн, либэ фройлейн! Что в переводе на русский означает, что однажды пришло ни с того ни с сего весёлое счастье, обняло за плечи, прижалось, а он взял да прогнал его прочь, и счастье ушло. А жизнь превратилась в обычное существование.

ЧАСТЬ 2. Домик в центре с девушкой и собакой

1. Один дома

Шесть лет спустя

Он попробовал раскачаться, чтобы выбраться из старой кровати с провисшей сеткой, но сразу стукнулся об пол и открыл глаза.

Со вчерашнего вечера ничего не изменилось.

Две дамы приветливо смотрели на него, стоя в большой светлой комнате возле тумбочки с фикусом и та, что повыше, с вуалью на шляпке, была замечательно хороша собой, особенно красивы чистые глубокие глаза, в которые вчера вечером перед сном Виктор долго смотрел, отдавая должное качеству фотографии столетней давности на выцветшем полотняном коврике над кроватью.

Кем являются прекрасные незнакомки, он до сих пор не знал, несмотря на двухмесячные розыски в пыльных шкафах и сундуках.

Меж тем с большой долей вероятности можно предполагать, что по крайней мере одна из них имела непосредственное отношение к этой комнате и самой кровати, на которой теперь спит он. Возможно, то была её собственная кровать (дамы с вуалькой), во всяком случае, очень бы хотелось на это надеяться. Тогда старая рухлядь делалась несколько приятнее в пользовании.

Стоит повторить попытку катапультирования из провисшего гамаком лежбища. Он поднял ноги, отвёл назад, насколько было возможно это сделать, находясь в данном положении, после чего резко распрямился, воспарив над железным краем койки в стиле Фюс-бери (вниз глядеть строжайше запрещено), в конце продолжительного полёта сгруппировался и аккуратно брякнулся на корточки посреди комнаты, мысленно себе рукоплещая.

Беда лишь в том, что пол не совсем чист.

Противником в борьбе за чистоту жилища выступал дощатый нештукатуренный потолок, разошедшиеся от старости доски которого имеют щели шириной в палец, и оттуда напрямую с чердака сыплются иногда сухие кусочки древесины, частицы пыли и шлака, покрывая собой крашенные доски пола и все прочие поверхности спальни мелким едким мусором. Проедет по улице тяжёлый грузовик – стены в такт содрогнутся, а сверху – п-ш-шш – сыпнёт за шиворот горсть сухой гадости.

Коврик возле кровати отсутствует. То есть он лежал здесь ранее – плешивый кусок, криво отрезанный от большого персидского ковра, но ему не повезло: слишком пропах лекарствами и старческой беспомощностью, что заставило расстаться с ним сразу же, преодолевая, во-первых, счастливую леность упоительных майских дней, объявшую Виктора после того, как он переехал в этот дом, а во-вторых, и ещё одно совсем уж непонятное внутреннее чувство, запрещающее почему-то нарушать сложившийся местный порядок вещей. Новый хозяин вынес его в мусорный бак вместе с ведром пустых пузырьков и ампул из-под лекарств. По сути, коврик стал единственным предметом, который он выбросил после приобретения данной недвижимости в тихом центре города.

Итак, коврика нет, зато есть комнатный рояль, возле которого он только что приземлился. Эта дореволюционная рухлядь задвинута в угол до упора, и тем не менее занимает почти половину площади комнаты.

Стены, как и потолок, не штукатурены, сложены из потемневших во времени, блестящих, как стекло, лиственных брёвен. Рояль неисправен, но если поднатужиться и открыть

заклинившую крышку над клавиатурой, с обратной стороны можно разглядеть медную табличку фирмы «Шрёдер». Да-с, вот собственный комнатный рояль, просим любить и жаловать. Опять же нет комнатных тапочек.

После четырнадцати лет детдома, трёх – интерната и почти пятнадцатилетнего обитания по общежитиям всё имущество удалось запихнуть в два не очень больших чемодана, которые нынче сиротливо прятались под роялем. Тапочки упустил из вида. Когда опомнился и побежал за ними вприпрыжку, оказалось слишком поздно: стоптанная пара обиделась, ушлёпав невесть куда длинными коридорами университетского общежития.

Да бог с ними, с тапочками, просто чудо, что удалось купить этот домик. Виктор радуется и не может нарадоваться тишине и тому, что он здесь совершенно, абсолютно, невообразимо один!

Один! Один!! Наконец-то один!!!

Функцию тапочек ныне исполняют каменные от древности кирзовые сапоги, похожие на ботфорты, с голенищами, сношенными в гармошку, доставшиеся в наследство от прежних хозяев. Он шаркает в них повсюду: по саду, на кухне, а часто проходит даже в комнаты.

Солнце проникло сквозь тёмные двойные рамы с пыльными, много лет не мытыми стёклами, ставшими от этого буро-зелёными, цвета жигулёвского бутылочного стекла. Создаётся неверное впечатление, будто погода на дворе пасмурная, на самом же деле сейчас, в шесть часов утра, уже очень жарко, на поляне перед домом благоухают цветы, а от зарослей черёмух, яблонь и сирени приятно тянет сыроватой ночной свежестью.

Наступившее утро представляет на выбор несколько вариантов деятельности: можно выйти сад и позагорать там часиков до десяти, благо именно в это время практически нет комаров, можно сделать физзарядку, или совместить и то, и другое, а можно просто сесть пить чай.

По тёмным стенам замелькали солнечные зайчики – то действует вечный двигатель, стоящий на подоконнике за окаменелым кактусом. Физический прибор на деревянной точёной подставке, покрытой облупившимся лаком, что-то вроде миниатюрной мельницы с крыльями, запаянной в стеклянную колбу. Пропеллер пускает хороводы солнечных зайчиков, освещая ими брёвна стен, кровать, рояль, стол, два стула, шкаф с книгами, на него можно смотреть часами, а он работает и работает. Безостановочно, завораживающе.

Старый радиоприёмник в доме не говорит, телевизор не показывает, рояль не играет, только вечный двигатель действует легко и просто, как ему и положено, отчего кажется странным решение Французской Академии наук трёхсотлетней давности о не рассмотрении изобретений вечного двигателя. Вот же он, под рукой.

Повсюду очень много ветхих книг. Те, что не помещаются в шкафах, все в ужасающем состоянии: лежат на столе, на рояле, под столом, под роялем, в сыром углу за кроватью свалена целая куча старинных учебников, над которыми витает стойкий запах плесени.

Для него по-прежнему весьма странно и непривычно, что и стены, и мебель, и книги – это рассыпавшееся гнездо неизвестного, ушедшего навсегда в небытие мира, стало вдруг его собственным. Отчего невозможно не задавать себе вопросы: кто они, люди жившие здесь, чьи фотографии остались висеть на стенах и таиться в темноте ветхих альбомов, в конце концов чьи сапоги он только что надел?

Градусник на крыльце показывал +25, летнее утро в разгаре.

Зачерпнув лейкой тинную воду из бочки, приступил к поливке. Спёкшаяся земля цвета остывшего пепла не приемлет жидкость, отчего та, дробясь на мелкие грязные шарики, ртутью катается по пыльной поверхности.

По мере того, как наливается большая лужа, почва вспоминает наконец о своём материнском предназначении, начинает всасывать воду с чавканьем, хрюканьем и даже каким-

то невыразимым утробным гугоркотаньем, пуская пузыри. Так пьёт сдыхающий от жажды верблюд после многодневного перехода через пустыню.

Магницкий таскал лейку за лейкой. Опьянённые обилием влаги цветы теряли устойчивость – валились как подкошенные, но всё равно пили, пили, уже не корнями, а стеблями, листьями и даже пестиками и тычинками.

По всем признакам денёк предстоит жаркий.

– Солнце не встало, а в Стране Дураков уже кипела работа, – раздался задорный женский голос.

Створки окон на втором этаже соседнего дома открыты, в комнате у подоконника стоит красавица Тамара в голубом купальнике, с ленточкой на лбу, сзади волосы стянуты в тугий узел. По утрам она занимается аэробикой, и для своих сорока лет выглядит весьма свежо.

Магницкий отсалютовал пустой лейкой:

– Нам зарплаты не надо, нам работу давай!

Большая сонная ворона, хлеща крыльями по веткам, тяжело выбралась из бурелома в глубине сада, где провела ночь, раздражённо каркая и низко лавируя между ветками, кое-как преодолев дальний забор, улетела в Марьину рощу.

Воронье карканье и посвящённый ей собачий переполох в роще разбудили обитательницу зооуголка ослицу БERTУ, которую Магницкий слышит каждое утро и каждый вечер. Когда БЕРТА прерывает на минуту свою арию, чтобы набрать побольше воздуха для следующего куплета, доносится, насколько энергично проделывает па неутомимая Тамара.

Разделавшись с клумбочкой у крыльца, не меняя униформы, Виктор вышел на улицу, где принялся за поливку кустиков сирени, калины, черёмухи, высаженных на узком газоне перед домом. Все они принялись, но без утренней порции свежей водички чувствуют себя днём крайне неудобно меж двумя горячими асфальтовыми лентами тротуара и дороги.

Часы показывали половину седьмого, пора закругляться с садовыми работами, да идти пить чай.

Солнце вскарабкалось поверх деревьев над центральной поляной сада. Тени от черёмух быстренько ретировались куда подальше в заросли крапивы и одичавшей малины, где под листьями, в траве скрылись от наступающей дневной жары несметные полчища комаров.

Пассажи Тамары скоро надоели проснувшейся старухе Савраскиной, живущей этажом ниже. Её окна не видны Магницкому за соседским сарайчиком, но голос свеж и потрясающе силен. Должно быть, пенсионерка подошла к форточке и обратилась непосредственно к небесам:

– Всю ночь напролёт пьяницы спать не давали, теперь эта кобылица содомская ни свет ни заря гарцует. Боже мой, боже, ну за что такие муки адские пожилому ветерану труда?

2. Букет для первой встречной

Тамара с треском захлопнула окно.

Окрестности окончательно проснулись. Где-то за черёмухами заплакал ребёнок, не желающий расставаться с мамой ради коммунальной жизни в детском саду. Магницкий его отлично понимал, сочувствовал, но помочь решительно ничем не мог.

Доска в заборе отошла в сторону, из дыры появилось вопрошающее тамарино лицо:

– Можно у тебя в саду попрыгать? Савраскина такую бучу вечно поднимает... Здесь комаров тучи, поди? – с опаской нахмурилась на заросли крапивы.

Виктор поспешил успокоить:

– У них сонный час до вечера, прыгайте на здоровье.

Оставив Тамару наедине с ритмичной аэробикой, возвратился на кухню, пятьдесят процентов объёма которой занимает русская печь, точь-в-точь на такой путешествовал Емелюшка-дурачок.

Усевшись перед окном в кресло, от сиденья которого осталась грубая мешковина с лохмотьями какого-то мочала, налил чаю и, закинув сапоги на подоконник, окинул взором сад, где сосредоточенно махала конечностями Тамара.

Энергетические волны расходились от нее во все стороны концентрическими кругами, так что даже на сравнительно большом удалении возникало воодушевление и стремление сотворить нечто полезное для себя и общества в целом, и это несмотря на то, что клумбочка отлично полита, а никакая другая работа не входила в сегодняшние планы.

Хотя именно о ней, о работе он только что думал, о работе, за которую платили бы хоть какие-то деньги. Нет, никто не спорит, было бы в высшей мере замечательно, если за хорошую работу платили хорошие деньги, но в принципе он согласен и на работу так себе, вот только где её взять? О эти глупые, сладкие мечты о хорошей работе, они так расслабляют, так убаюкивают, что когда-нибудь точно доведут его до депрессии. Конечно, не сегодня.

Тамара просто молодец, как трудится, а? Продавщица овощного магазина, сорок лет, незамужняя мать взрослой дочери, учащейся железнодорожного техникума, обитательница казённого дома с общей кухней на весь этаж, обруганная с утра пораньше соседкой снизу, танцует аэробику. По сравнению с ней Магницкий – богач, приобретший вместе с частным домиком дополнительное наследство: чашка, заварник, сам чайник – всё осталось от прежних хозяев. Даже банку со смородиновым вареньем он нашёл в кладовой на полке, к сожалению, варенье катастрофически быстро тает.

По причине полного отсутствия денежной наличности вместо индийского или цейлонского чая Виктор заварил смородиновые листья. Вообще-то, если выкинуть из головы дурацкие мысли о деньгах, жизнь сразу становится прекрасной.

Он пил чай, по хозяйски развалившись в собственном кресле, пусть из старой треснутой чашки, но при том снисходительно наблюдая, как в его саду танцует женщина. Немного не хватало мраморных купален, фонтанов, роз, хоть в более простых цветах недостатка не ощущалось, а поляна перед домом заросла всевозможными травами, напоминая нетронутый человечеством первозданный луговой пейзаж.

Вот, кажется, и всё, утренний шейпинг закончен. Тамара подхватила магнитофон, почему-то снова опустила его в траву, глянула задумчиво в сторону дома и... направилась по дорожке к крыльцу.

Поздняк метаться, карапузики.

Соседка уже неоднократно заходила в гости, посему Магницкий не стал хвататься за веник, лишь кирзовые сапоги спрыгнули с подоконника.

– Я к тебе на минутку, спасибо сказать.

– Пожалуйста... чай будешь?

– На работу пора, магазин открывать. Ещё не выбросил старьё? Хочешь, помогу?

– А... есть-пить не просит, пусть себе стоит.

Тамара заглянула в комнату, которую Магницкий про себя называл столовой, здесь располагаются колченогий стол, обшарпанный столетний буфет, испорченный телевизор, зато стены и потолок не только оштукатурены, но и побелены.

– Много ещё в городе вот таких квартир из прошлого века сохранилось. Я бы на твоём месте рухлядь выбросила к кузькиной матери, купила современную обстановку, мягкую мебель, так-то домик ещё ничего, лет двадцать отстоит, не рухнет. – Смело шагнула в спальню. – Вот здесь бабулька и спала, на этой кровати. Слушай, скажи честно, как по утрам из нее выбираешься? Помаленьку, да? Тебе ведь на работу бежать не надо сломя голову. Работу не нашёл? Я могу переговорить с заведующей. У нас один грузчик запивается, его уволят, пойдёшь?

– На чужом несчастье счастья не построить.

– Просто удивительно, как она могла вылезать из этой люльки, да ведь? Ну-ка, попробую.

Хлопнулась спиной в кровать, и, конечно, ударилась об пол:

– Ой, мамоньки мои, копчик отбила, слушай, предупреждать же надо!

Магницкий протянул руку помощи.

– Нет, сама. Расскажи, как ты выпрыгиваешь?

– Очень просто. Ноги вверх!

– Нахал!

– Методику объясняю! Поднимаешь ноги, не сгибая в коленях, заводишь назад как можно дальше, вот туда, сильнее... хорошо. Далее резким движением надо выстрелить из сжатого положения... стой...

Не успел объяснить до конца, как обладательница тренированного брюшного пресса взлетела почти вертикально, зависнув спиной над железным краем кровати.

Пришлось по-волейбольному сообщить телу дополнительное горизонтальное ускорение, благодаря которому оно благополучно пролетело ещё полметра и плюхнулось на не вполне чистый пол, рядом с музыкальным инструментом, сделанным из очень твёрдых пород дерева.

– Извините...

– Учти, – Тамара отряхнула ладони и колени от мусора, – приду к тебе в следующее воскресенье мыть пол, если до этого не приберёшься.

– Постараюсь, – не слишком испугался Виктор, бережно сопроводив соседку к выходу.

С крыльца проследил, как она, убыстряя шаг, заспешила по дорожке, подхватила магнитофон, и, легко увёртываясь от разлапистых объятий мужеподобной крапивы, элегантно исчезла за доской забора.

Помахав на прощание, возвратился к насиженному креслу, не без удовольствия вновь забросил сапоги на подоконник, продолжив необыкновенно приятное утреннее чаепитие в полнейшем одиночестве.

Солнышко основательно прогрело большую часть сада, цветы на поляне обсохли от росы, над ними закружили десятки бабочек. Крылатые гурманы неторопливо, со знанием дела перелетали с цветка на цветок в поисках нектара. При виде столь умирительной картины его посетила первая за утро идея собственного трудоустройства.

Вообще-то за день в голове мелькало до двух десятков лучших или худших идей, на обдумывание всех их скопом Магницкий тратил минут пятнадцать времени. Хорошо известно, что самые плохие идеи являются, когда человек голоден. Тогда просто хочется пойти на ближний гвоздильный завод с паспортом и трудовой книжкой да устроиться каким-

нибудь контролёром ОТК, вот только денег на заводе не платят принципиально, отоваривая трудодни в буфете белым хлебом и засахаренным кизилевым джемом. Полгода ударной работы – и диабет обеспечен.

Немного лучшие по качеству идеи рождаются, если испить чая со смородиновым вареньем и прийти в удовлетворённое жизнью состояние, вроде нынешнего.

Ах, с юных лет ему нравилось знать, что где-то на чудесном острове Борнео существуют профессиональные ловцы бабочек, которые продают свой экзотический товар туристам и коллекционерам за весьма приличную цену. В детстве он мечтал оказаться с сачком вне детдома на этом дивном острове, среди пышных джунглей, далеко-далеко в тропиках, посреди голубого океана. Изумительная голубая лагуна, великолепный белый песок, и никого... кроме бабочек, разумеется.

Так вот, почему бы ныне, пусть не на Борнео, а в родном саду не заняться этим самым сачковым бизнесом в мире? Что у нас числится на балансе?

Сотни порхающих бабочек. Пошить из старой марли сачок не составит труда, после чего можно сразу идти на поляну сачковать. Почти Борнео! А словив десяток штук, тут же, свеженькими, с пылу с жару отнести на ближний энтомологический базар да продать удивительно редкие экземпляры коллекционерам. Виктор абсолютно уверен, что таких шикарных крапивниц, как у него, нет на сто вёрст вокруг, потому что нигде нет такой замечательной махрово-жгучей, густой крапивы. Стороннему соседскому наблюдателю кажется, что не крапива это, а целый ельник. Выше человеческого роста вымахала!

Но что-то слишком сильно размечтался, особенно про базар.

Товара много, самого наилучшего, а как обстоит дело с коллекционерами? На местных аборигенов надежды нет, наверняка ловят сами, значит, надо искать заграничных.

К сожалению, западных туристов на местных улицах тоже не густо.

И те, что есть, всё народ сверх меры занятый по своему штатному религиозному профилю. Слабенько тренькают на гитаре, подпевают друг дружке как могут что-то малопонятное, притоптывают на сцене, и таким чудным способом проповедуют слово господне в Доме Пионеров юным атеистам, заманивая их конфетами, кои не слишком-то щедро, по счёту, раздают при завершении такой смешной службы. Нет, не тот иностранный контингент пошёл. Того, который создал бы постоянный, обеспеченный долларами спрос на рынке здесь нет.

Облизав банку со смородиновым вареньем, путём несложных умозаключений пришёл к неутешительному выводу, что если таковой и существует, то самый что ни на есть минимальный, в противном случае детки, подрабатывающие у водопроводных колонок мытьём автомобилей, давно бы побросали свои пластиковые вёдра и в одночасье избавили его уголья от летающих вредителей. Что ни говори, а дети – самый чуткий индикатор на ниве малого бизнеса. Не то. Не то, Виктор.

Или пойти наняться преподавателем информатики в школу для слаборазвитых, которые не так сильно курочат технику, как развитые? Пожалуй, где-то в глубине души он созрел для подобного героического шага. К сожалению, даже такие смешные вакансии отсутствовали на шите местного бюро трудоустройства, когда в карманах, как назло, закончились не только тысячерублевые бумажки, но и сотки, эквивалентные прежним копейкам.

Настала пора подыскать себе что-нибудь приличное, какую-нибудь службу, дающую пусть небольшой, зато постоянный доход. Здорово звучит: постоянный доход.

Магницкий повторил вслух словосочетание несколько раз, дабы стены его жилища мистическим образом были в курсе того, о чём в глубине души мечтает их хозяин, и в случае чего содействовали.

Али выстроить в саду временный шалашик? Переселиться туда на летнее время, а свою доисторическую койку сдать абитуриентам, что вот-вот должны приехать поступать в университеты?

От очередной идеи отмахнулся сразу, припомнив, сколько в саду комаров: гибельный вариант.

Что у него ещё есть кроме комаров, стен и бабочек?

Если смотреть из окна кухни в сад, то прямо по курсу развалины большой углублённой в грунт бревенчатой теплицы с кирпичным фундаментом. Для выращивания ранних огурцов потребуется немалое количество капиталов, которые неоткуда привлечь, так, это раз, идём дальше: черёмуха ещё не поспела, смородина с малиной тоже. Крапива, кругом одна перво-сортная крапива.

Ранней весной из неё получился бы неплохой супчик.

Вдруг он подскочил и, громыхая сапогами, бросился в сад, туда, где недавно в густой крапиве обнаружил несколько кустов пионов, грозившихся вот-вот расцвести.

Палкой раздвинул крапиву и обалдел от восхищения: нигде и никогда не видел таких огромных тёмно-красных, почти чёрных, распутившихся цветов. Душа немедленно воспела гимн солнцу при виде чуда, запросила романтических и сумасбродных поступков. Например, выйти на улицу и подарить букет первой встречной девушке. А что? Откроет калитку и вручит. Легко представить, как той будет приятно. Должен хоть кто-то в этом мире делать людям приятное. Наверное, сегодня его очередь.

Сломил семь чудных веток с полураспустившимися бутонами, поболтал их в бочке, смывая нахальных муравьёв, и затаился, поджидая прекрасную незнакомку.

Незнакомка не заставила себя долго ждать. Почти тотчас по асфальту застучали её каблучки, приближаясь со скоростью курьерского поезда. Не вполне ясный, но очень обаятельный образ забрезжил в сознании. «Во всяком случае, – подумал он, – эта дама не пенсионного возраста», – после чего резко отворил калитку и вместе с букетом смело шагнул вперёд.

На полном скаку в него грудью, по-кавалерийски врезалась Тамара.

– Ой! Напугал до смерти, чуть кондрашка не чокнула. Нет, правда, утром я всегда боюсь... ой, даже сердце поперхнулось... на улице-то никого, а у меня в сумочке ключ от магазина. Это мне? Красотища какая. Ну, спасибо, домой не понесу, возвращаться – удачи не будет, на работе поставлю, скажу нашим бабам: «Вот, мне мужчина сегодня с утра пораньше преподнёс!». Умрут бедолаги напрочь. «За что?» – спросят, а я им: «Догадайтесь с одного раза». Знаешь, нам хороших яблок привезли, китайских, тебе отобрать каких получше? Есть капуста скороспелая, приходи, отпущу по оптовой цене без наших магазинных накруток.

Тамара умчалась дальше, а Виктор вернулся к пионам в крапиве: жажда благотворить после первого, не вполне успешного опыта отнюдь не иссякла.

3. Тромбонист на палубе Титаника

Что если сходить на предпоследнюю работу, в Информационное Бюро, где у него когда-то было приличное место ведущего программиста, неплохая по тем временам зарплата, да проверить, насколько близки к истине слухи о том, что бюро после многократных сокращений закрыли совсем? Возможно, кто-то выжил, если верить тому, что в природе ничто не исчезает бесследно?

На этот раз цветы пришлось срезать и белые, и красные, погладить рубашку, надеть приличные белые штаны и даже завязать галстук, от которого напрочь отвык за два года, проведённых у Жаркова на стройке капиталистического завода.

Галстук – несомненное излишество по такой жаре, но душа настоятельно требовала праздника, и вот, оглядев себя в старом, изъеденное чёрными пятнами зеркале, он нашёл, что вновь приобрёл черты ведущего специалиста в области программирования, хотя бы чисто внешние. Будто не работал сварщиком, бетонщиком, землекопом, и не продавал в январские морозы на улице мороженое «Пингвин». Для полного соответствия недурно подстричься, но на текущий момент это чрезмерная роскошь для его пустого кошелька, и, кстати, неплохой эффект даёт элементарное подравнивание висков электробритвой.

Интересно знать, остался ли там кто-нибудь?

На дверях сверкали десятки табличек с названиями страховых обществ, юридических консультаций, оптовых фирм. Жизнь в них бурлила ключом: раздавался смех, шумели ксероксы, факсы лениво сплёвывали бумажные листы, секретарши бегали с пластиковыми чайниками за водой для томимого жаждой начальства, однако Информ-Бюро никому из них не было известно. Никто не мог сказать о нём никакого слова, ни хорошего, ни дурного. Оно кануло в Лету бесследно, не оставив даже расходящихся кругов, оказавшись абсолютно ненужным, как социалистические принципы ведения хозяйства.

Единственным памятником недавнему славному прошлому, который смог отыскать Виктор внутри здания, было стоящее в тёмном углу коридора на третьем этаже разуконсплектованное печатающее устройство, ужасно громоздкое и несовершенное по нынешним временам, к тому же чересчур неподъёмное, чтобы кто-то теперь его за здорово живёшь взялся вытащить с третьего-то этажа, да по крутой узенькой деревянной лестнице! А Виктор прекрасно помнит, как, надрываясь, бережно тащили наверх! Как бы не стукнуть, как бы не сломать!

Жутко печальная картина.

Провёл пальцем по стеклу, оставив след на толстом слое пыли, и, вздохнув, принялся писать скромную эпитафию: «В данном помещении трудился сплочённый коллектив Бюро...». В конце, как подобает: «ГРУППА ТОВАРИЩЕЙ».

Осталось возложить цветы на скромное надгробие. Полюбовавшись так и эдак, остался доволен производимым эффектом.

Рядом с памятником на двери значилась табличка «Директор». Просто, без всяких там сопроводительных дифирамбов в стиле «ООО» или «ЛТД», допотопная советская табличка без глянца – бронзой по чёрному фону, для внутреннего потребления.

Неужели беспримерный Леонид Андреевич до сих пор пребывает здесь, как последний, самый высокорослый тромбонист оркестра на палубе тонущего «Титаника», и знай выводит прощальную мелодию, стоя по горло в ледяной воде?

От таблички за версту несло сюрреалистическим бредом. Казалось, стоит отворить дверь, обрадованный директор схватит за рукав и скажет, немного заикаясь: «А не-не хочешь ли ты сегодня, Виктор, п-пп-пойти на стройку отработать ещё один денёк? По-последний раз?»

Не без мистического трепета посетитель дёрнул ручку на себя, ощутил запах дорогих духов, кофе, и действительно увидел остатки прежней мебели директорского кабинета.

Впрочем, в былые времена директорский кабинет находился в другом месте, а здесь располагалась комната программистов с небольшим машинным залом для мини-ЭВМ вон за той дверью. Судя по внутреннему убранству можно предположить, что тут не только выжили, но как бы даже процветают, хотя, конечно, без великого и могучего Леонида Андреевича, по непроверенным слухам, давно отчалившего в Москву.

Скромная прежде комната сплошь заставлена офисными шкафами, мягкой кожаной мебелью, на столах красуется парочка очень приличных компьютеров.

Для мини-ЭВМ требовалось отдельное помещение с кондиционером, поддерживающим необходимые температуру и влажность, штат инженеров-электронщиков, программистов, снабженцев, бухгалтеров и начальства. Сколько народу крутилось, приятно вспомнить! Магницкий прислушался и почувствовал, как кольнуло сердце – до боли знакомый шум нёсся из-за дверей. Неужели ещё работает?

Забрав с несостоявшегося памятника цветы, сдул с них пыль, и, пряча за спиной, проник в кабинет со скромной грацией интеллигентного человека, входящего в баню с берёзовым веником и уже осознавшего, что забыл дома помывочный талон.

В кабинете директора находился один-единственный человек: у окна стояла высокая элегантная шатенка в белом костюме, говорившая по телефону.

Вежливо, и от того не менее непреклонно требовала со своего абонента возврата некой суммы, а тот, судя по всему, вертелся на другом конце провода как уж на сковородке, изо всех сил пытаясь отсрочить расставание с оной.

В огромное раскрытое окно влетал ветерок, было в кабинете необычайно солнечно. Смешно дожидаться от подобной женщины, что она вдруг подойдёт к вам и положит голову на грудь, не стоит даже надеяться, и тем не менее Магницкий ощутил вдруг давно позабытую радость жизни. Да, это не Пума, но так хороша!

Немного досадно, что элитная женщина выше его как минимум на пару сантиметров, а каблуки её босоножек, увы, совсем низкие. Полуобернувшись, она рассеянно кивнула, знаком предлагая садиться. Зачарованный Магницкий остался стоять, нервно крутя за спиной букетом, словно хвостом.

Да встречал он её прежде, и многократно, почти каждое утро, несколько лет назад, приходя на работу в Бюро, но в той прежней жизни почему-то никогда не замечал привлекательности, возможно, её тогда просто не было?

Изумительная женщина, словно сошедшая с обложки рекламного модельного журнала, числилась по штату инженером Олей, девушкой вполне обыкновенной, да и знаком он с ней не настолько, чтобы сейчас развести руки для объятий и воскликнуть: «Сколько лет, сколько зим!»

– А, здравствуй, здравствуй, – сказала, положив трубку на аппарат, хозяйка кабинета, сама выбирая товарищеский стиль общения, – каждый день кто-нибудь навещает, очень хорошо, проходи, гостем будешь.

Магницкий приободрился, вручил цветы:

– Мне рассказывали, что контора пошла ко дну, но теперь вижу, что это неправда. Поздравляю.

– Спасибо. Роскошные пионы. Сейчас поставим в вазу.

– Дела идут неплохо?

– Никуда они не идут, эти дела, откровенно говоря: договоров новых нет, прежние ушли или собираются уйти. Собственно, всё предприятие сжалось до размеров одной комнаты и одного человека. Я и директор, и бухгалтер, иногда мою пол, значит, и уборщица на общественных началах. Ну, а ты как? Если не секрет?

С некоторых пор на столь прямые вопросы Виктор Фёдорович отвечал с неизменно широкой улыбкой:

– Преподаю. Немного.

Она оживилась и, кажется, обрадовалась за него:

– Здорово. А где?

– Чаще на дому у клиентов. Репетирую школьников по информатике, математике. На хлеб хватает, при желании и рекламе, разумеется. Но хочется большего, кстати, имеются практические идеи.

– Большого хочется всегда. Давай пить кофе? Если есть реальные деловые предложения, выкладывай. Только, чур, торговлю не предлагать. Я уже пробовала торговать с машины мужскими ботинками, очень не понравилось, и возвращаться к этому не хочу.

– Торговал мороженым с лотка прямо на тротуаре, испытываю те же искренние чувства. Может быть, следует слегка изменить курс? Пойти в другие широты?

– Не знаю только, куда, – усмехнулась Ольга. – Даже имея на руках живое предприятие без долгов перед налоговой инспекцией, красивую печать, автомашину «Москвич» на ходу, пару компьютеров и несколько бухгалтерских программ по зарплате и балансу.

– Продажа бухгалтерских программ отпадает. Сегодня каждый второй бывший программист дилерствует, продавая свои и чужие наработки. Если не берут, отдаёт просто так. К тому же скоро 1-С задавит всех.

– Кое-что кое-кому продать, конечно, можно, сугубо по мелочам, в кредит и за бартер. Я тут думала начать издавать газету с информацией о ценах на товары и услуги. Дело в том, что к нам по телефону многие обращаются с просьбой их рекламировать, и даже из других городов звонят, их обманывает наше название. Как считаешь, может, попробовать?

– Кто будет покупать новую многотиражку, если по субботам толстенную «Рекламу» в тридцать шесть страниц бесплатно во все почтовые ящики распахивают? Да ещё «Бархолку» по четвергам. И тоже бесплатно, с программой телепередач на неделю.

– Рекламодатели должны платить, но ты меня расстраиваешь.

– А давай займёмся недвижимостью? У тебя прекрасные манеры современного менеджера, офис в центре, машина. У меня права на владение автомобилем. Напишу программы по ведению базы данных с информацией о квартирах, садовых участках, гаражах, и даже погребках, если потребуется, обеспечу сбор, обновление и выдачу информации. Нужна, к примеру, человеку квартира на Третьей улице Строителей не дороже 70 миллионов, делаем запрос в базу данных – пожалуйста, список, не бесплатно, конечно, тысяч за пятнадцать. Я уже чувствую, от клиентов не будет отбоя, городской спрос приберём к рукам.

– Смею напомнить, что контор по торговле квартирами куда больше, чем торговцев бухгалтерскими программами. В программировании надо хоть что-то немножко соображать, а специалистом по жилью у нас считает себя каждый обитатель сарая.

Виктор поперхнулся последним глотком кофе. Не целясь, она угодила прямо в точку. В конце концов, у него в голове одна из утренних голубоватых идей, витающих под разошедшимся потолком, а предприятие с гербовой печатью, машиной и компьютерами у неё. Ясно, кто принимает решение.

Ольга – деловая женщина, близкая к банкротству, несмотря на всю свою презентабельность, шарм, ум и эти небесные глаза, а он – вообще безработный с пустыми карманами. Единственным удачным предприятием последних лет стало приобретение развалюхи, где можно приклонить непутёвую голову.

Вспомнив о неоспоримой и бесценной своей удаче, Магницкий не мог не порадоваться в очередной раз. Про абстрактную недвижимость решил более не заикаться.

– Кстати, Денис окончил институт?

Её взгляд бесстрастно сконцентрировался на перламутровых ногтях.

– Да, у него сейчас своё дело. Но вообще-то... мы живём отдельно.

– Ясно, – преувеличенно бодро констатировал Виктор. – Спасибо за кофе и радушный прием. Ну, мне пора заниматься с учениками. В нынешней ситуации это самый надёжный вид бизнеса: «Делай, что умеешь, – как говорят на радио БИ-БИ-СИ, – и что нужно кому-то. И успех неминуем».

Они расстались, приветливо кивнув друг другу, почти деловыми партнёрами.

4. Ученик с винтовкой

От своего вранья про успех Виктор бежал очень быстро.

К тому же действительно пора было переходить на лёгкий бег: единственный летний ученик Стас жил на конечной остановке троллейбуса. В августе у него переэкзаменовка, Виктор занимается с ним три раза в неделю по два часа. За каждый час получает пять тысяч ровно, итого в месяц набирается сто двадцать. Имей он ещё парочку таких учеников, и хлеб с маслом был бы каждый день, но пока Стас – единственная надежда и отрада.

Тысяча уйдёт на троллейбусные талоны, итого останется девять. Свой проезд туда оплатить нечем, придётся ехать зайцем. За четыре остановки до пункта назначения в салоне появился недовольный жизнью и окружающими гражданами контролёр, пришлось катапультироваться раньше времени и основательно поторопиться, чтобы вовремя взбежать на пятый этаж по грязной замусоренной лестнице и позвонить.

– Кто там? – буркнул микрофон.

– Репетитор пришёл.

– Стаса нет, он уехал и просил передать, что его не будет сегодня, – сказал Стас мужественным басом старшего брата Андрея.

Желанные десять тысяч затрепетали перед взором, после чего стали медленно таять в лазоревой дали. Допустить такое разорение в его и без того аховом состоянии невозможно.

– Открывай, Стас, я тебя узнал, если не откроешь, вечером позвоню матери, тогда уж не взыщи.

– Ну вот, сразу и жаловаться.

Маленький, худенький, конопатый Стас просунул рыжую голову в дверь:

– Здравствуйте, Виктор Фёдорович. А между прочим, мамаша свалила на курорт, сидит там по уши в грязевых ваннах, значит, вечером бы вы до неё никак не дозвонились.

– Ладно, будем считать твоё заявление явкой с повинной, главное – ты дома, идём заниматься.

– Ой, Виктор Фёдорович, я ещё не обедал. У меня малокровие начнётся или, чего доброго, дистрофия.

– Хорошо, даю десять минут на еду, после чего приступаем к занятиям.

– Если при поглощении пищи торопиться, может развиваться гастрит и даже язва желудка. Эти десять минут за мой счёт, или за ваш?

– Конечно, за твой, и учти, время пошло, ты на счётчике.

Мать Стаса работала когда-то врачом, теперь домохозяйка, отец торгует запчастями на автомобильном рынке вместе со старшим сыном. У них довольно запущенная двухкомнатная квартира, которую они мечтают обменять на большую, есть видик, компьютер, машина, но нет ни одного целого стула.

От сидения на инвалиде ноги быстро затекают из-за неудобной позы, которую необходимо сохранять для поддержания равновесия. Когда стало невмоготу, Виктор дал Стасу пример на самостоятельное решение и начал прохаживаться по шестиметровой комнате, заставленной двухъярусной кроватью, шифоньером и огромными мешками. Два полшага туда, два полшага обратно по узкому свободному пространству.

Когда Стас решает, он шурится, кривится, многочисленные эмоции тесно соседствуют на усыпанном конопушками, маленьком, очень подвижном личике.

– Не подсматривайте! – кричит, загораживая тетрадь ладошкой, – не подсматривайте, когда я решаю!

Магницкий отворачивается, глядит в окно через металлическую решётку.

– Зачем на пятом этаже решётки?

– Ага, зачем! Нас уже дважды с крыши обворовывали. Теперь папаша купил настоящую боевую винтовку, пусть только сунутся! Хотите, покажу?

– Не надо, решай.

Однако если Стас чего захочет, его не остановить: вот исчез в другой комнате, откуда мгновение спустя начинают доноситься пощёлкивания, и тут же вернулся с оружием, снабжённым прикладом из металлических трубочек.

Целится по сторонам, потом старательно наводит ствол на своего репетитора, долго щурится и с удовольствием нажимает спусковой крючок.

Неравенство решил неправильно. Но ещё не знает об этом и страшно горд, что самостоятельно довёл выкладки до конца.

Магницкий проверяет медленно, ставя галочку в каждой строке, где нет ошибки: «Верно, и здесь верно, молодец какой стал, а?»

– Неплохо, неплохо, а вот здесь вовремя поменял знаки, очень даже хорошо, на миллиметр всего прошёл мимо верной тропинки. Посмотри внимательно сюда.

Стас смотрит и краснеет.

– Но кроме этого единственного места остальное было верно.

Ученик оживает.

– Вы знаете, Виктор Фёдорович, я думаю, прошёл здесь рядом не на миллиметр, а на микрон, правда же?

– Согласен, а теперь реши такой же точно пример, уж до конца всё правильно.

– Но вы не подсматривайте! – кричит Стас. – Не глядеть! Отвернитесь! Ничего себе... такой же... совсем другой.

Магницкий бросил взгляд на часы. Ещё заниматься и заниматься. Стас гримасничает, как маленькая обезьянка, корчит рожи, показывает фигурки из-под стола, фыркает: «Фак... фак ю, Виктор Фёдорович, вы знаете, как перевести фак ю?»

Нетрудно себе представить, насколько быстро подобное поведение доводит школьных учителей до белого каления. У Виктора метода простая и надёжная: смотреть на часы, вычисляя, сколько осталось до конца занятий, ласково улыбаясь, что само по себе производит на бережливую душу Стаса отрезвляющее впечатление.

– Всё, решил, – говорит он, – проверяйте. Нет ещё, нет, минуточку, – и обводит каллиграфически буквы и цифры в ответе.

Когда Стас старается, почерк у него просто идеальный, ему бы писарем в прошлый век, в канцелярию, к перьям и чернильницам – до столоначальника дорос непременно.

Вручает Магницкому тетрадку грузом бесценного сокровища. Виктор берёт ручку с красным стержнем, Стас отворачивается, будто это не авторучка, а шприц. И вдруг репетитор видит, что пример решён правильно. Сообщает об этом громогласно, в награду жмёт руку, после чего тоже каллиграфически вырисовывает большую красную пятёрку, в скобках пишет «отлично» и расписывается.

Счастью Стаса нет предела.

– Давайте, Виктор Фёдорович, передохнём немного, чая попьем, у меня во рту всё пересохло, – в одно мгновение на столе появляется поднос с чашками, пирожными и печеньем. – Пробуйте, пробуйте, печенье сам пёк, нет, без дураков, сам.

– Вкусное печенье. Руки у тебя, Стас, золотые.

– Голова тоже. Мне сейчас главное в девятый класс перейти, там до Нового года простоять, до июня продержаться и свалить в кулинарное училище. Поваром буду высшего разряда. Знаете, сколько шеф-повар в ресторане зарабатывает?

– Понятия не имею.

– Мать говорит, что много.

– Ну, хорошо, если решишь три задачи без ошибок, отпущу на пять минут раньше.

– Не-а, до конца будем заниматься. Время – деньги, Виктор Фёдорович.

В итоге они сидят на пятнадцать минут дольше, пока зловредный ребёнок не решает три примера подряд правильно. За каждый Виктор ставит ему по жирной пятёрке, с «отлично» и росписью. С видом большого удовлетворения Стас складывает в стопочку тетради, учебники по алгебре, геометрии и объявляет очередную выдумку:

– Виктор Фёдорович, вы извините, что сразу забыл сказать. Это, короче говоря, мать не оставила денег на репетитора, позабыла, наверное, сильно торопилась, путёвка была горячая.

Так вот чему мысленно улыбался наш юный друг последние десять минут: конструировал данную фразу, и теперь с хитрым любопытством ждёт ответной реакции.

– Жаль, а у тебя вроде бы начало получаться, но ничего не поделаешь, придётся пока отменить наши встречи вплоть до приезда твоей мамы, надеюсь, ты понимаешь, что простаивать мне не с руки, придётся взять другого ученика, вы с мамой тоже потом подыщите другого репетитора.

– А в кредит нельзя?

– Кредит портит отношения, спроси у папы, он подтвердит.

– Стойте, стойте, уж ладно, я вам из своих денег отдам.

Прощаясь, Стас послал в открытую дверь воздушный поцелуй и быстро её захлопнул. Это насторожило Магницкого, хотя и несколько запоздало. Пересчитал деньги – так и есть, одной пятисотки недостаёт. Ну что ты будешь делать, рыночная стихия всех воспитывает на свой лад, и маленький Стасик тоже хочет иметь с урока свой небольшой гешефт.

5. Дёргаем в Новую Зеландию?

Недоимку Виктор переложил на широкие плечи муниципального транспорта, прокатившись бесплатно на троллейбусе.

Завернул на уличный базар, состоящий из нескольких палаток, где цены немного ниже магазинных, купил кусочек костромского сыра размером с ладошку, пачку масла и булку хлеба. На этом репетиторские деньги кончились, в голову караваном одnogорбых верблюдов потянулись были трусливые мыслишки насчёт гвоздильного завода. Впрочем, сейчас они показались ему размером с ослов, которых легко разогнать пинками, приговаривая при этом: «Перезимуем, не сорок первый!».

Тем более, в кабинете его хорошей знакомой Ольги Дальской, очень, кстати говоря, симпатичного умницы-директора простаивают на столах без дела два современных компьютера, вот бы где развернуться! На какую только тему? Надо срочно выдумать лёгкий, необременительный, главное, доходный бизнес!

Оптимистично мурлыча под нос строку из любовной оперетки, Виктор подошёл к своему дому, где его приятные размышления прервал отлично одетый молодой человек с безукоризненным пробором шевелюры и розово-упитанными щеками, но без той ещё мужественности во взоре, по которой можно безошибочно судить, что костюм куплен за собственные деньги.

Виктор готов ставить десять против одного – прекрасную тройку цвета кофе с молоком приобрёл любимцу фортуны папа. Нет, этот молодой человек не торговал ночью палёной водкой в коммерческом киоске, создавая первоначальный капитал.

Когда юноша ринулся навстречу Виктору, тот замедлил шаг и не стал торопиться открывать калитку во двор.

– Вы не знаете, где здесь проживает преподаватель математики? – спросил подбежавший тоном, каким пассажиры обычно вопрошают на тонущем корабле: «Где здесь спасательный круг?».

– Считайте, вам несказанно повезло, молодой человек, и вы его нашли с первой попытки, – успокаивающе произнёс Магницкий, ни секунды не колеблясь. – Выкладывайте свою просьбу.

Но молодой человек не мог сразу поверить своему счастью, карие глазки светились подозрением.

– Дело в том, что нужно решить несколько задачек, не очень трудных.

– Нетрудные все решают сами с помощью соседей и родителей. Если я вас правильно понял, вы – студент заочного отделения и вам требуется сделать контрольную по математике.

– Ну да, – с некоторым сомнением согласился юноша.

– Нет проблем. Давайте свои задачи и приходите завтра примерно в это же время, не забудьте прихватить пятьдесят тысяч оплаты. Хотя, вижу, вам надо поскорее, ладно, ладно, можете зайти утром.

– Одна моя знакомая сидит сейчас на экзамене. Нужно срочно решить вот эти примерчики, – в руке забелел свёрнутый многократно листочек, явно переброшенный на свободу через форточку туалета.

– Идёмте, – произнёс Магницкий очень решительно, – спасение друзей – это святое! Знаете, что? Раз такое дело, я даже не буду поднимать цену за срочность исполнения.

Оставив молодого человека наслаждаться красотами сада у гнилой скамейки, сестра на которую тот не решился, Виктор вбежал в дом и бросился искать нужные формулы из аналитической геометрии и высшей алгебры среди груды книг, сваленных в углу.

Странное, однако, дело. Книги в доме самостоятельно меняются местами: ещё сегодня утром здесь не было этих трёх аккуратных стопочек, а дверки шкафа были плотно прикрыты, теперь всё наоборот.

Через пятнадцать минут он порадовал немного опухшего от комариных укусов влюблённого молодого человека подробно решёнными и ясно написанными задачками. Данный бизнес Виктору всегда чрезвычайно нравился.

– А давайте сбавим цену? – мило улыбнулся юноша, обнаружив на милом лице сразу три привлекательных ямочки: две на щеках и одну на подбородке. Очевидно, не зря тратил время в томительном ожидании, тоже кое-что успел сочинить. – Давайте за двадцать пять тысяч всю контрольную, получается целых пять тысяч за задачку, неплохо ведь?

Сделалось ясно: папа прилагает руку не только к гардеробу подрастающего поколения, но не увиливает и от воспитания. Плоды налицо.

– Мой друг, – приступил Виктор к разговору задумчивым тоном пожилого пенсионера, которому давно некуда спешить, пряча листочки с решениями за спину, – каждая потраченная минута на, согласитесь, ненужный, по сути, диалог может самым трагическим образом сказаться на судьбе экзаменуемого... или э... экзаменуемой.. Поэтому у меня э... имеется к вам предложение. Предложение самое простое: может быть, не будем торговаться? В начале нашей встречи условия были сформулированы вполне однозначно, и вы по умолчанию цену приняли, устный договор заключён, а стало быть, теперь, по завершении работы, надо просто оплатить результат наличными. Или я пойду ужинать. Извините, с работы.

– Хорошо, старик, сорок тысяч, – молодец безмятежно рассматривал окрестности. – У вас тут здоровски. Мне нравится. Это вся территория ваша? Здесь можно запросто расположить летнее кафе, японский сад камней и зимний ресторан с корейской кухней, ещё место для парковки останется. Вы позволите мне утрясти все вопросы? Я очень быстро провентилирую, поверьте, в накладе не останетесь.

Тут только Магницкий в полной мере обнаружил, как сильно он ошибся в оценке костюма-тройки. Определённо судьба обещала выделить юноше в недалёком будущем лучшие места на стамбульской толкучке.

– Друг мой, предпочитаю собственный сад всем японским булыжникам Фудзиямы, Хоккайдо, Кюсю, а главное, Сикоки вместе взятым.

Не прошло пяти минут занимательного географического разговора, в котором Виктор, благодаря детдомовскому детству оказался большей докой, как молодой человек принялся, нервничая, любопытствовать: каким образом ему будет гарантирована правильность решения задач, на что получил резкий отпор: «Абсолютно никаким», и тут же сдался. Долгожданная купюра хрустнула в ладони, чтобы через полчаса бесследно испариться в ближайшем магазинчике на углу, с воздушным названием «Баттерфляй», которое обычно переводится «бабочка», но почему-то на красном кирпичном фасаде красовался разноцветный павлин с огромным пышным хвостом.

Как говорится, своя рука владыка.

Здесь он отоварился копчёной колбасой, консервами, бутылкой сухого вина, а также некоторым количеством стратегического провианта в виде двух пакетов лапши и кило пшена.

Роскошный ужин раз в месяц никому не помешает. Любой проживший в общежитии больше недели человек отлично знает, каким волшебным свойством притягивать гостей обладает сковорода жареной картошки, несомая из кухни в комнату по длинному-предлинному коридору. Практика открывала перед Магницким новые горизонты жизненной правды: частная собственность также не есть исключение в данном роде.

Не успели дольки колбасы уютно свернуться на тарелочке рядом с пластиками сыра, а голова в очередной раз насладиться мечтой, на каком именно компьютере рядом с изыс-

канно-красивой Ольгой Дальской расположится Виктор работать в будущем, и как бы ему скорее приблизить это прекрасное далёко, желательно прямо на завтра-послезавтра, тут же, вплотную к окну дома, припарковался красный микроавтобус, из которого вышел особенный в жизни Виктора человек: владелец капиталистического заводика, а стало быть, старинным слогом выражаясь – заводчик Владимир Жарков, со своим бухгалтером Толиком.

Когда-то они с Жарковым работали на химкомбинате, куда Магницкий убежал от науки в поисках квартиры. Жаркова считали электронщиком милостью божией: в досетевую эру он умудрился протянуть общезаводскую многокилометровую сеть, привязав все подразделения к единой базе, подключив к ней цеха, роботизированные конвейеры, склады, бухгалтерию, управление, и даже столовую. Благодаря последнему, рабочие, отобедав, могли на выходе ставить оценки по блюдам меню, а столовским по этим оценкам начислялась премия. Кроме того, Володя исхитрился подрабатывать то лаборантом на четверть ставки, то уборщиком помещений в двух академических институтах сразу, что давало ему право проводить на сверхсекретных установках в ночное время некие таинственные эксперименты.

А с окончанием эпохи социализма физик Жарков надумал создать частную лабораторию для реализации собственного научного потенциала, однако предварительно пришлось построить с нуля заводик по производству пищевых экстрактов, который смог бы кормить будущую лабораторию, его команду и, конечно, семью. Чтобы тот завод на ровном месте возник, и наполнился необходимым оборудованием, физик-предприниматель взялся за импорт японских подержанных иномарок на местный рынок.

Ныне Генератор Идей косит под нового русского: крутые белые штаны, несколько, впрочем, грязноватые, такого же цвета безумно дорогая, в пыли, рубаша, на чёрном поясе расположились трубки сотовых телефонов, пейджеров, в руках папка с документами на новое дело, которое он опять затевает.

Щуря сквозь импортные дымчатые очки чуть раскосые глаза, задевая плечами сразу оба дверных косяка, шумно ввергся в дом, наполнив его грохочущим басом.

– Оп-па-на! Вот где ты приземлился, старый разбойник! Небось, думал, не найдём? Найдём! В эту развалюху вложил свой пай? Ладно, чёрт с ним, будем обмывать покупки, и твои, и мои, видишь, новая лайба – японка мать, по проходимости – вездеход, пришло пять штук. Я нынче шофёра выгнал, сам баранку кручу, даже Толика за руль не пускаю, бухгалтер, что стоишь? Вали продукты на стол.

Приветливо улыбаясь в соломенные усы, Толик Постол выставил бутылку коньяка, баночки с икрой, пару буханок белого хлеба.

Жарков тотчас отломил полбулки, зажевал.

– Чёрт, проголодался, весь день мотаемся по городу, пожрать некогда: то банк, то мэрия, то завод, чёрт бы побрал всех этих крючкотворов, ну мы всё-таки взяли их за жабры с Толиком, да, Толик?

– Взяли, конечно, – всегда непроницаемый Толик быстро резал хлеб.

– Вытряс из них кредит, на следующей неделе запущу пробную партию продукции.

Бутерброды с красной икрой Жарков делал всегда сам, лицо его при этом являло выражение отеческой нежности.

Обычного во времена стройки деликатеса, который начальник самолично подвозил к вечернему общему ужину коллектива строителей, Магницкий не видел уже полгода, с того самого времени, как ушёл с завода.

Разгон команды произошёл в стиле жёсткого западного менеджмента, без учёта межличностных отношений. Хотя деньги и идеи принадлежали Жаркову, некоторые участники стройки посчитали себя как бы в доле, возможно, и сам он чересчур щедро раздавал обещания приятелям для поднятия трудового энтузиазма, но однажды на утренней планёрке вру-

чил всем листочки, предложив написать заявления на увольнение, после чего набрал новую команду.

Магницкий заявление написал и ушёл. Кто стал возражать, получили холодную затяжную войну, некоторые по суду урвали какие-то крохи. Прочим Жарков выдал довольно крупные премиальные при расчёте. Полученную иномарку Магницкий обменял на старенький домик, в котором они теперь сидят втроём, пьют молдавский коньяк «Белый аист», закусывая бутербродами с красной икрой.

Жарков от коньяка воздерживался – за рулём. Это новый шаг в развитии уважаемого предпринимателя. Раньше он талантливо изображал автократического хозяина-азиата, у которого полно слуг: слуга-шофёр, слуга-бухгалтер, и даже слуга-главный инженер. Теперь это ему надоело, и он принялся играть роль предпринимателя-европейца, который всё что можно делает сам и делает с удовольствием.

Толику досталась треснутая рюмка из буфета с надписью «Христос воскрес!», грея её в ладони, бухгалтер засомневался:

– Может, мне не пить?

– Хочешь порулить? Расслабься, отдыхай. Завтра состоится важная стратегическая финансовая операция, где тебе придётся сыграть первую скрипку.

– Что за операция? – мигом насторожился Толик.

– Завтра наступит завтра. Хотя можешь и не пить, у человека должна быть свобода выбора.

Вытащить из Жаркова какую-либо информацию в таких случаях дохлый номер, он будет говорить вам обо всем, о чем угодно, только не о том, о чем действительно думает. Как правило, с этой целью выбирается хорошо обкатанная тема, например, воспоминания о том, как жилось-былось в детском доме маленькому мальчику Володе. Естественно, не Ульянову.

Толик потягивает коньяк, успокаивается.

Нам предстоит выслушать сокровенное, про Зорьку.

– Только благодаря ей я выжил, и вообще, вырос таким здоровым и могучим!

Жарков с размаха бабахнул себя в грудь мощной дланью, будто по пустой двухсотлитровой бочке из-под краски. От такого грохота самые отпетые бабуины побросали бы ко всем чертям свои гаремы и драпали от греха подальше куда-нибудь в глушь джунглей, довольствуясь там одной травкой с неприхотливостью ветхозаветных старцев.

– А в нашем детдоме коровы не было, – позавидовал Магницкий.

– В том-то и дело. Я не отходил от нее ни на шаг, кормил, чистил, водил пастись, и вволю пил парное молоко, ни кого не спрашивая, в то время как другие курево промышляли, и всякую бормотуху тянули. Нет, ты мне скажи, где найти Киплинга, который описал бы, как совершенно беспородная корова Зорька вырастила человека в советском детдоме? Понимаешь, в чем дело? Рядом с ней я поднялся как на дрожжах, в шесть лет был здоровее тринадцатилетних пацанов, уже шулявших по окрестностям деньги на выпивку и курево. Вообще, если подумать, странная картина получается: отца-матери не знаю, нашли где-то в Смоленске, корова выходила. Зорька. Вырос, воевал в Анголе, Эфиопии, там в этих чертовых джунглях офицеры ГРУ гнулись ржавыми гвоздями, а я пять лет не моргнув глазом оттрубил, сперва по обязанности почетной, и еще по договору. Эх, вы телята, даже не представляете себе, что такое три операции провести в разных частях тропиков за две недели. И все благодаря Зорьке.

– Чехов смог бы описать, – предположил Постол. – А нынешние нет, не потянут, кишка тонка.

– Интересно, – вдруг прищурился ядовито Жарков. – Почему это у нас в городе нет улицы Чехова? Ладно, там Пушкин с Львом Толстым, и Достоевский в придачу, им по их всемирной известности полагается территория, бери – пользуйся – не жалко, но вот трибун

партийный, с краснокожей штукой в широких штанинах – Маяковский, – ни за что урвал, Тарас Шевченко себе улочку в центре отхватил, а почему братцы, Антона Павловича нашего ни с чем оставили? Обидели память ве-ли-ко-го писателя! Надо будет в мэрии вопрос ребром ставить, совсем нюх потеряли, двоечники.

– Это потому, что они у нас не были: ни Толстой, ни Пушкин, ни Маяковский, – заметил голосом знающего человека бухгалтер.

– Ты хочешь сказать, Чехов здесь был, и ему город наш не понравился что ли?

– Точно так, путешествуя на Сахалин, помните? Тогда и заехал. Через Урал, всю Сибирь в коляске проехал, еще транссибирской магистрали не было, весной, в половодье, в самую что ни на есть грязюку к нам попал.

– Бедняга, – поморщился Жарков. – Ну, и как его здесь встретили?

– Про это он ничего не написал, сказал только, что интеллигенция местная вся пьет напропалую и по публичным домам шатается выпимши, еще не нашел героини сибирской, сказал, что дамы местные слишком жестки наощупь, не вдохновляют.

– Конечно, здесь вам не Крым, подходящей дамы с собачкой не оказалось под рукой.

– Согласен, городок по весне грязноват бывает, особо когда сугробы все разом растают, пусть, согласные, но женщины тут причем? Нехорошо

– Стоп, мужики, думаю, дело было так: приехал, значит, Чехов, промок как собака, замерз в своей коляске... Выпил с местными аборигенами-шелкоперами за процветание российской литературы, как полагается, слово за слово, и пошли по бабам. И какая-нибудь излишне норовистая бабенка врезала писателю по пенсне, так бывает, знаем, а он обиделся от души на всех сибирских женщин скопом, пришел к себе в гостиницу и излил желчь в дневник.

– Короче, не удостоили девушки писателя вниманием, бывает, чего там, прокол называется.

– Ладно, тогда вопрос к мэрии о восстановлении исторической справедливости снимается, писатель обиделся на город, город обиделся на писателя, расплевались взаимно и дело с концом.

– Не, не ребята, есть Чехова переулок, точно, вспомнил. Однажды там забуксовал в роскошной луже, метров двадцать в поперечнике, не меньше! Как сейчас помню: апрель месяц, холодина такая, что шуга цвета кофе плавает на поверхности, пришлось брюки задрать повыше колен и в туфельках бродить, грузовик голосовать и трос цеплять. Эх, есть переулок Чехова, но лучше бы его не было! Я тогда еще название прочитал на табличке, и постарался на всю жизнь запомнить, чтобы никогда туда уж больше не заезжать, пропали импортные югославские туфли от Бати, расклеились, мать их, жена потом целый месяц нервы портила из-за этого. Стойте, я все понял! Кармический закон такой есть: человек обязан пережить то, чего он особенно боится, к примеру, если солдат шибко не хочет валяться на поле боя с развороченным животом, и ежечасно думает об этом, бедняга, не ест перед боем, опасаясь перитонита, значит, так тому и быть: лежать ему кишками в грязи. Отец рассказывал, он у меня фронтовик. Говорил: главное ребята – не сс...ть и хорошее питание. Вот и Чехов – боялся ехать через Козульку, дорогой тамошней его все запугали, он больше про эту Козульку написал, чем про весь город, а в результате устроили ему вечную память в самой, что ни на есть Козульке, обозвав закоулок с ужасной дорогой его именем.

– Это тебе Зотов, небось, про кармический закон наплел?

– Неважно, – смутился Постол.

Магницкий взглянул на него с недоверием:

– Толя, скажи честно, наврал ты нам сейчас про Чехова?

– Врет, по голосу слышу, – определил заводчик. – С ним часто такое бывает – заносит парня. Особенно в квартальной отчетности.

– Да вы что, мужики? Честное пионерское. И переулочек есть такой, братцы, а все остальное – читайте сами, как на духу не вру, вот вам крест во все пузо.

– В общем и целом сказать, Палыч и сегодня прав практически во всем, конечно, женщин, но тут его подвела сволочная мужская натура, и не нам его в этом винить. А насчет города и места нашего все верно: неважное местечко для жизни, особенно после аварий на атомном реакторе. Кушайте йод, красную икру килограммами, все одно от горячих частиц не убережешься, вот так. И будет где-нибудь в легких, или желудке работать маленькая атомная станция, а то и две, а то и сотня – другая, облучая соседние клетки, разбрасывать метастазы. А дозиметр ничего не покажет, все в пределах нормального природного фона. Просто надо ехать отсюда, куда подальше.

Сев против Магницкого, Жарков перестал щуриться снисходительно на весь прочий мир, снял дымчатые очки:

– Завод запускаю и продаю.

– Лабораторию создавать не будешь?

– Буду, но в другом месте. Здесь, во-первых, цены на топливо скоро поднимут до мирового уровня, а отапливать цех надо будет девять месяцев в году, а главное – серьезного сбыта не предвидится. То, что мы в тридцатикилометровой зоне от атомного реактора, – ещё бы ничего, когда бы он работал нормально. После выброса на серьезных договорах можно смело ставить крест. Так что, дружище Виктор, будем уходить в иные пределы. Поедешь со мной?

– Следующий завод строить?

– Нет, теперь уже непосредственно лабораторию создавать. Нужен будет в команде математик, хоть тресни. А ты свой – детдомовский.

– В Москву за песнями?

– Отягощать столицу собственными идеями не след, она и без того перегружена сверх всякой меры. Через это Россия болеет. Вот представь себе страну как некий очень большой и живой организм, тогда Москва – некая часть организма, верно? Как ты определишь болезнь со следующими симптомами: на протяжении продолжительного времени все питательные вещества в виде финансов и самых лучших, самых энергичных людских ресурсов уходят в Москву, все кровотоки концентрируются на обеспечении одной этой части организма, которая пухнет, растёт, процветает, увеличивается в размерах, в качестве жизни, в то время как остальной организм деградирует, дряхлеет, истощается на 700 тысяч человек в год? Ясно название болезни? И единственный способ кардинального лечения – вынесение федерального центра из Москвы, отсоединение её от федеральных финансовых потоков, на которых она безобразно жирует.

– В Питер?

– Лучше вообще на новом месте построить городок районного масштаба – в не слишком благодатном месте, с казёнными квартирами исключительно для чиновного люда. Отработал договорной срок – уехал, дабы не гнездиться и не создавать семейных кремлёвских кланов. Но нынешнее руководство на это не способно, здесь нужен если не Пётр, то хотя бы Назарбаев, вот только где же его взять? А мне некогда ждать у моря погоды, есть идея реализоваться в Новой Зеландии. Зелено, чисто, тепло круглый год, выращивают себе овец и коров, и никакой ядерщины. Как, Виктор, дёргаем в Новую Зеландию?

– Ага... сейчас ещё по одной и вперёд...

– Сомневаешься? Или хижину свою жалко? Сарай этот? Брось.

– У тебя самого не краше.

– Миллиард-полтора возьму за заводик, с долгами рассчитаюсь полностью, кое-что останется для старта на новом месте. У Толика посчитано. Так что рвём когти вместе, уж так и быть, беру на себя организационные заморочки.

Однажды Жарков сделал Виктору предложение поработать в его команде на строительстве «капиталистического» завода. В принципе, Виктор ничего не проиграл, даже приобрёл долгожданное место под солнцем.

– Надо обдумать.

– Думай. В настоящий момент над парочкой идей очень плотно работаю. Массу времени забирает чертов бизнес, вот развяжусь с ним, рванём вперёд так, что гарвардам тошно станет. Мои идеи дорогого стоят. А практический выход из них во сто крат дороже. Но т-с-с-с! Братцы-кролики! У меня идея! Чего здесь киснуть, айда, братцы, на речку купаться! А, Толик?

Бухгалтер посмотрел в окно хмуро, будто там не чудный солнечный вечер, а как минимум февральская пурга.

– Сегодня я за рулём, надо же когда-нибудь научиться обкатывать свои машины. Права вчера только получил, теперь сам вожу бухгалтера, шофёра уволил беспощадно, как раньше говорили: освоение смежных специальностей с последующим сокращением кадров. Как это называлось? А? Интенсификация производства! Жить надо не по Марксу и не по Форду, мужики, а как того душа желает. К примеру, если хочется искупаться, едем немедленно и никого не спрашиваем. Обрати, Виктор, внимание на машину, я её сузучкой зову: на вид вроде бы ерунда, игрушка лакированная, а на самом деле – вездеход как раз для наших дорог. Прёт, как чёрт. Всё, залазим. Я за рулём. Представляете, в этом году ещё ни разу не тонул. А водичка-то сейчас, должно быть, парная!

Они сели в красный японский вагончик, полетели куда-то на бешеной скорости, и с размаху въехали на светофоре, прямо под кузов гигантского белазы, который в свою очередь раскорячился на трамвайных путях. Трамвай затрезвонил, требуя освободить дорогу и самосвал начал сдавать прямо на японский вагончик, не видя его, а тому тоже отступать некуда – сзади подпер грузовик. Усы Постола встали ежиком, из его рта вырвался какой-то звук, который никому не удалось расслышать, так как все звуковые колебания в радиусе километра покрыло мощное завывание полицейской сирены.

– Я эту штуку еще не разу не пробовал, – задумчиво сказал Жарков, когда белаз вздрогнул и остановился, по слоновьи опасливо поджав зад, – не было случая проверить.

– Хорошо хоть вспомнил вовремя.

– На память никогда не жаловался.

– А подушки безопасности в твоём драндулете есть? – поинтересовался Виктор, с раздражением ощутив себя абсолютно трезвым человеком, без толку выпившим четверть литра коньячно-водочной смеси, и по вине водилы потерявший весь кайф.

– А черт его знает, может и есть, техпаспорт на японском, я еще не читал.

– Знаешь что, давай не будем проверять их наличие.

– Ну, не злись, не злись.

Задний борт «белазы» закрывал небо. Было уже не страшно, но все же как-то неуютно. Пока добирались до речки по крайней мере трижды Магницкий мысленно прощался с жизнью, и два раза вообще ничего не успевал сообразить: они стремительно устраивали дорожную заварушку, из которой также стремительно выскакивали и мчались дальше сломя голову, с безрассудной смелостью атакуя любой просвет между впереди идущим транспортом.

– Так мы в Новую Зеландию не попадем. У меня адреналина в крови в три раза выше нормы.

– А у меня в самый раз.

При спуске к реке Володька не преминул продемонстрировать с какой предельной крутизны может сползать вездеход, не переворачиваясь при этом. Убедившись, что как всегда

фортуна играет на его стороне, пассажиры сжав зубы молчали, и авто покатило вниз, сломя голову, по семидесятиградусному склону.

Внизу загорали обычные граждане. Машины свои они оставиливерху на дороге, спокойно расположились на бережке, лежа кто на травке, кто на стареньком покрывале с бабушкиной кровати. Естественно, все повскакали с мест, не зная, в какую сторону броситься, когда сверху на них рухнула красная божья дизельная коровка.

Не сбавляя скорости, Жарков промчался лихим слаломистом, минуя расстеленные на травке покрывала, будто препятствия, и в самом великолепном расположении духа заехал в воду, выключив мотор.

– Купаться, орлы!

– Засосет, – мрачно высказал всеобщее предположение бухгалтер, расстегивая штаны.

– Пусть только попробует.

Редкие на левой стороне реки купальщики с сомнением разглядывали машину, не торопясь давать советы, но видно было, что их тоже очень даже интересовало, как прибывшие наглецы будут вытаскивать из глинистого гравия своего красного жука. В глазах некоторых, особенно тех, кому пришлось отскакивать от бешеной вагонетки, светилось очевидное злорадство.

– Плыдем до моста и обратно, – скомандовал Жарков.

Не дожидаясь исполнения приказа, обрушился в воду прямо из кабины.

Магницкий прошел по мелководью десять шагов, затем лег на спину и поплыл по течению, прикрыв глаза. Тихий плеск волн целебным образом врачевал психику, подорванную кратким, но насыщенным путешествием по городским улицам. Темно-зеленая вода быстро несла его в направлении северных приполярных лагерей и экспедиции академика Отто Юльевича Шмидта. Стоит еще чуть-чуть расслабиться, то недолго под монотонный плеск волн в ушах и уснуть, пару часов такого необременительного плаванья, как впадешь в Обь, а там, глядишь уже Кривошеино на одном берегу, Колпашево на другом, здравствуй, брат Нарым!

Купаться пьяным в реке почти столь же безопасно, как ездить с Жарковым-шофером на левом сидении праворульного авто, но после полученной нервной встряски Виктор трезв, как стеклышко.

Стеклышко в очках известного противника алкоголя и доцента права Леонтия Стржжимальо, который в горбачевскую эпоху прославился тем, что собственноручно отлавливал в плотных рядах первомайской колонны остограбившихся сотрудников, после праздника требовал с них объяснительные в партком, при этом много кричал и ругался и даже громил, а потом слинял на запад, где сделался известным европейским правозащитником. Говорят, что там, на новом поприще Леонтий тоже много кричит и ругается в защиту общечеловеческих прав и свобод.

Когда открыл глаза, то увидел что мост остался позади, точнее он высится прямо перед глазами, при этом быстро удаляясь, и ощутимо уменьшаясь в размерах. Плавать против стремительного течения – занятие для обычного человека настолько же утомительное, насколько и бесперспективное.

Он выбрался на берег и пошел обратно пешком. Недалеко впереди маячила бледная фигура бухгалтера, который также неспешно возвращался к месту водной автостоянки. Зато на середине реки бил пенистый белый гейзер двухметровой высоты – там заводчик боролся с рекой не на жизнь, а на смерть, других условий борьбы он просто не признавал. Виктор с Толиком успели поднять два тоста за счастливую старость и спокойную молодость, тогда только борец с жизненными стихиями выбросил свое мощное, но израненное тело на раскаленную крышу сузучки: раздалось кратковременное шипение. Израненное в полном смысле

этого слова: имелась старое пулевое ранение в мышце голени и две хорошо зашитые дырки в плече и груди.

– Колбасы! – рявкнул он.

Ему без разговора выделили пол палки, справедливо полагая, что этот один стоит двух, но сыр на бутерброды зажилили, закусывая им коньяк. Жарков тотчас громко и выразительно зачавкал, восстанавливая истраченные силы.

– Рулевой, вода поднялась до мостика, колес не видно, сейчас начнет топить салон. Пора выбираться отсюда.

– Еще малость позагораем и тронемся с богом. Минералки нет?

– Все благополучно закончилось: пища, вино, коньяк.

– Вот прожорливый народец какой подобрался, весь в меня. Ладно, поехали.

Пользуясь одними руками, Жарков перебрался с крыши на место водителя. Двери закрыли. Включил зажигание. Сузучка завелась сразу, и некоторое время водитель не трогал с места, давая разогреться мотору, чего в обычных условиях явно не стал бы делать. Ясно – он дождался, когда отдыхающие отставят свои мелкие делишки да разговорчики в сторону, и сосредоточат внимание на нашей полузатонувшей машине. Он должен оказаться в центре внимания, а уже потом нажать на газ. И нажал. И помчался, но не к берегу, а вдоль по реке, где полно глубоких ям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.